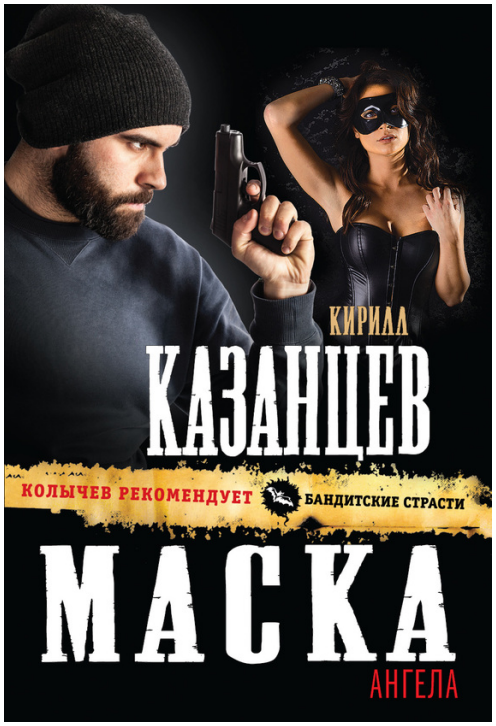
КИРИЛЛ
КАЗАНЦЕВ
КОЛЫЧЕВ РЕКОМЕНДУЕТ
БАНДИТСКИЕ СТРАСТИ
МАСКА
АНГЕЛА

Кирилл Казанцев

Маска ангела

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361769
Кирилл Казанцев. Маска ангела: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-77188-2

Аннотация

На глазах Ильи Серегина погиб его старший брат Макс – взорвался в своей машине. Полиция приходит к выводу, что это был несчастный случай, машина взорвалась в результате самопроизвольного воспламенения. Однако Илья уверен, что его брат стал жертвой наемного убийцы. Его подозрения усиливаются после того, как он находит на чердаке соседнего дома пустые гильзы от снайперской винтовки. А чуть позже узнает, что должность руководителя отдела в банке, которую занимал Илья, очень быстро заняла странная женщина Валерия Понамарева…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 23
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Кирилл Казанцев
Маска ангела

© Чистова Т., 2014
© Оформление. ООО «Издательство«Эксмо», 2015

Глава 1

Закон подлости работал без сбоев независимо от климата, рельефа местности и, как всегда, безупречно. Началось с того, что чистое и ярко-голубое с утра небо в считаные минуты заволокло тучами, пошел мелкий колючий дождь, напоминая, что лету конец и на подходе осень. При виде грязной дороги и мокрой собаки, что пряталась под кустом, праздничное настроение враз куда-то подевалось, но это было еще полбеды. Намертво заклинило замок на входной двери, ключ не желал поворачиваться в скважине, и как Илья ни бился с ним, как ни уговаривал разными словами, дело дальше гнусного лязганья металла о металл не шло. Илья весь взмок в своем праздничном наряде, зло выдохнул и сделал передышку, уткнувшись лбом в обивку двери. Вот уж подлянка так подлянка, а ведь собирался выехать пораньше, у отца сегодня день рождения, и не простой, а юбилей, шестьдесят пять стукнуло. Надо поздравить, как полагается, и подарок купить, а деньги только вчера вечером на карточку упали. Кстати, где она…

Карточка, к счастью, лежала на месте, от чего эмоций малость поубавилось и случился новый прилив сил, открылось что-то вроде второго дыхания. Илья налег на неподатливый ключ, крутанул его, и тот повернулся неожиданно резко, точно не упирался только что до последнего. Илья этакой легкости не ожидал, руку машинально вынесло вперед, и он плечом врезался в зеркало на стене, которое немедленно треснуло. От вмятины в правом его краю по всей поверхности пробежали тонкие змейки, а несколько острых, ярко блеснувших в темноте осколков оказались на полу.

– Ах ты зараза… – выдохнул Илья, и даже зажмурился, точно ждал, что после того, как глаза откроются, безобразие на стене исчезнет само собой. Ан нет, не исчезло, и даже не собиралось, более того – зеркало напоминало сейчас морщинистое лицо злой старухи, что кривится и посмеивается над недотепой.

Накатила тоска, злая и бессильная, Илья вылетел из квартиры, захлопнул дверь и через ступеньку побежал по лестнице вниз. На улице холодный ветер и дождь слегка охладили злость, новенькая «Тойота» завелась с полоборота и так резко взяла с места, что угнездившийся в кустах бездомный пес испуганно вскочил и отбежал подальше от дороги. Илья выехал со двора, опустил стекло, и в салоне загулял сквозняк, лицо покалывали капли дождя, но это, как ни странно, успокаивало. Настроение немного улучшилось, Илья проверил карманы – все ли здесь, и убедился, что ничего не забыл. И даже не опоздает, как думал еще четверть часа назад, в запасе есть немного времени, останется и на магазин, где он уже давно приглядел отцу подарок, и на дорогу к даче, где и намечалось торжество. Отец, овдовев, сразу уехал из города, оставив квартиру сыновьям, и теперь ждал их к себе сегодня, в пять часов вечера. Макс, старший брат, звонил час назад, предупредил, что выезжает, так что скоро все будут в сборе. И хорошо, а то давненько они нормально не общались, все на бегу, галопом…

До банка Илья добрался без приключений и даже удачно припарковался недалеко от тяжелых стеклянных дверей. Выскочил под дождь, поежился и вбежал в предбанник, где стояла шеренга банкоматов. Перед ними было пусто, что радовало и настораживало, и, как оказалось, не зря.

– Не работает, – сообщила белобрысая девчушка за стойкой в зале, куда сунулся Илья, – технический перерыв.

– И надолго? – стараясь говорить спокойно, спросил Илья, но та лишь помотала головой.

– Нам не сообщают. Если хотите наличные снять – сюда, пожалуйста.

Она показала на окошко в дальней стене зала, перед которым стояли пять или шесть человек. Илья выдохнул и решительно направился туда, встал за высоким сутулым парнем в темных джинсах и толстовке с капюшоном и принялся смотреть в окно на свою «Тойоту». Та покорно мокла под дождем, мимо ехали машины, пробегали прохожие, очередь ползла еле-еле, время шло. Наконец от окошка отошла важная толстая тетенька, она на ходу пересчитывала деньги и подозрительно косилась на тех, кто оказался поблизости. Илья демонстративно отвернулся, парень стоял, уставившись в пол, а глуховатый дед, добравшись до окошка, орал на все отделение, подгоняя неторопливую кассиршу.

Упитанная, с круглой румяной мордашкой и гладко зачесанными назад волосенками, та делала вид, что ничего не слышит, пристально смотрела в монитор и шевелила мышкой. Потом полюбовалась своим маникюром, посмотрелась в зеркальце, вытащила из принтера длинный чек и снизошла – отдала его разъяренному деду. Тот схватил бумагу обеими руками, уткнулся и принялся вдумчиво изучать. Кассирша снисходительно улыбнулась и принялась красить губы.

«Быстрее, мать твою!» – едва не выкрикнул Илья, и тут с улицы раздался громкий лязг и скрежет, до того омерзительный, что хотелось зажать уши. Вся очередь дружно повернулась к окну, Илья шагнул к подоконнику, глянул по сторонам, насколько позволял обзор, но ничего подозрительного не заметил. Правда, машин стало меньше, но здесь виной мог оказаться светофор, он причудливо регулировал потоки транспорта, и на прилегающей к проспекту улице было то пусто, то густо. Илья отвернулся от окна, и тут снова едва не заложило уши.

Грохотало и звенело очень близко, и по-прежнему было непонятно, что породило этот звук. К лязгу и скрежету прибавились голоса, кто-то орал во всю глотку, орал, не выбирая выражений, кассирша заинтересованно глянула через стеклянный бок своей будки, но ничего, разумеется, не увидела. Дед постучал по стеклу, сунул в корытце под ним чек, и кассирша, состроив недовольную физиономию, принялась отсчитывать деньги. Илья прижался щекой к окну, скосил глаза вправо, и… обалдел – мягко сказано, здесь больше подходит другое слово, но от увиденного все слова куда-то подевались. По дороге ехал трактор, обычный синий трактор с заляпанным грязью лобовым стеклом, и водителя за ним было не разглядеть. Впрочем, по траектории движения напрашивался вывод, что трактор этот едет сам собой, или кто-то управляет им дистанционно, причем делает это криво и вообще кое-как. Трактор вилял по дороге и незакрепленным ковшом цеплял припаркованные у обочины машины, звук при этом стоял такой, что мухи дохли. Народ метался по тротуарам, люди орали что-то вслед, а трактористу – если таковой имелся – все было нипочем. Он лихо взял влево, мотнул ковшом, тот с размаха рухнул на капот синей иномарки, машина присела на задние колеса, и тут сработала сигнализация.

Она давно уже надрывалась, подвывала, точно на подпевках, и движку трактора, и воплям хозяев машин, что разрывались, не зная, куда бежать – к своим покореженным «ласточкам» или следом за трактором, впрочем, как видел Илья, остановить взбесившуюся технику никто не пытался. Нет, выскочил один, в джинсиках и легкой курточке, помахал лапками, призывая трактор к порядку, и тут же упрыгнул на обочину, едва увернувшись от ковша. Тот прошелся по боку красной «Дэу», оставил в нем хорошую глубокую вмятину и, едва не проломив дверцу, с чадом солярки и треском покатил дальше. От белой «Тойоты» его отделяли пять или шесть машин.

Илью точно морозом обдало, он быстро прикинул расстояние, время, потребное трактору, последствия и ринулся к выходу. Едва не сбил по дороге дедка, что, как и тетенька недавно, пересчитывал свои кровные, разминулся с ним, и тут из-за спины донеслось:

– Деньги гони, или пристрелю. У меня пистолет.

Сделалось тихо-тихо, точно зал и всех, кто в нем оказался, накрыли стеклянным стаканом и даже свет приглушили заодно со звуком. Илья затормозил, обернулся, увидел сначала обалдевшего деда, что поспешно распихивал деньги по карманам, потом дамочку средних лет в слишком тесных для нее джинсах, что до этой минуты непрерывно говорила по телефону, а потом и пистолет.

Парень в темной толстовке держал его под полой своей мешковатой одежды и только готовился извлечь на свет божий, но Илья заметил маслянистый блеск ствола, мелькнувший неярко и жутковато, и этого было достаточно. Кассирша пока ничего не видела, она молча хлопала глазами, глядела на парня, и ее круглая мордочка наливалась горячечным румянцем. Девица молчала, грабитель тоже, дед убрался в сторонку и таращился на них, а остальные, что находились в зале поодаль, словно ничего и не замечали.

А чего им было замечать, когда никто не орал, не визжал, не стрелял в потолок или по окнам, со стороны все выглядело пристойно. Подошла очередь парня, он наклонился к окну, и о чем-то говорит с кассиршей.

– У меня пистолет, дура. Деньги давай, – услышал Илья, глянул на девицу за стеклом. Та не шевелилась, только водила глазами вправо-влево, физиономия ее по цвету напоминала спелый помидор, губы странно круглились, а глаза превратились в щелки, обведенные черной краской. Похвальных размеров грудь под белой блузкой волнительно колыхалась, кассирша глянула на Илью, и тот осторожно кивнул ей: делай, что тебе говорят, и побыстрее. Девица уже осмысленно смотрела на Илью, даже шею вытянула, точно пыталась расслышать или телепатически уловить его совет, и тут грабитель потерял терпение. Он дернул на себя тяжелое металлическое корытце под стеклом и повторил:

– Быстро, курва, или я тебе разрывными башку разнесу.

И действительно поднял пистолет, вытянул его из-под полы, но пока держал, прижав к бедру. Дамочка в джинсах попятилась назад, наступила на ногу Илье, шарахнулась вбок, и он снова сделал знак кассирше: не тяни, отдай ему деньги, он же не шутит.

А та побагровела еще больше, поджала губы и вдруг подалась вперед, чуть не ткнулась лбом в стекло и крикнула так, что грабитель невольно отшатнулся:

– Покажи! Покажи свой пистолет, придурок! Или ничего не получишь!

Илья аж зажмурился – финал близок и предсказуем. Парень настроен серьезно, и сейчас он выстрелит в стекло, с первого раза не пробьет, зато с третьего – точно. А глупая кассирша поймает одну из этих пуль, и хорошо, если «Скорая» успеет вовремя.

Теперь происходящее у кассы видели все: и операционистки, и посетители, что до этого деловито заполняли бумаги и теперь застыли, глядя в дальний угол зала. Девчушка у входа как приподнялась на носки, так и замерла, дедок жался спиной к стене и осторожно, по шажку, крался к выходу. Тетенька в тесных джинсах пробиралась следом, глянула на Илью насмерть перепуганными глазами и прижала сумку к животу. Раздался звон, потом легкий треск, Илья повернул голову – это парень с силой врезал рукоятью пистолета по бронированному стеклу. Оно устояло, но опасно дрогнуло, а на стыке его крепления к металлической раме образовалась небольшая трещина. И тут грохнуло уже реально, близко и страшно – парень выстрелил в стекло, пуля легла рядом с трещиной, срикошетила и упала на пол, а на стекле появилось круглое пятно, похожее на центр паутины, из него полетела стеклянная крошка. Грохнуло еще раз, потом еще, и упитанная радостная физиономия идиотки пропала за сеткой трещин. Завоняло приторно-душной пороховой гарью, парень еще раз грохнул рукоятью пистолета по стеклу.

Кассирша отшатнулась, свалилась в кресло и принялась кидать в корыто под стеклом пачки купюр. Парень ловко выгребал их, рассовывал сначала по карманам, потом вытащил черный пластиковый пакет и принялся скидывать деньги в него.

– Все, – раздалось из-за стекла, – больше нет. У нас лимит на день, завтра еще привезут…

Парень ее не слушал, развернулся и вскинул руку с пистолетом, огляделся. Странно, что до сих пор никто не заорал и было по-прежнему тихо, даже на улице все смолкло. Илья смотрел на пластиковый откос, на грязные разводы, на пыль в углу, куда угодно, только не на налетчика. Но «держал» его краем глаза, следил за каждым его движением, успевая анализировать обстановку.

До дверей метра четыре, и все это мимо стойки, за которой сидят сотрудники банка. Они все отлично видят, но на рожон не полезут, скорее под стол, и правильно сделают. Дур, кроме кассирши, здесь больше нет, а та уже обливается слезами за своим треснутым стеклом и того гляди свалится в обморок. Улов у парня неплохой, миллион, а то и больше в клюве он сегодня утащит, но здесь, говорят, лимит, до завтра ждать придется. А деньги нужны, очень нужны, отец ждет, а времени нет, и Макс уже скоро приедет, и стол накрыт…

Парень осмотрелся из-под свисавшего на глаза капюшона, опустил руку и ринулся к выходу. Илья выждал, когда тот поравняется с ним, шагнул в сторону, и подставил парню подножку. Тот такой подлянки не ожидал, клюнул носом, наклонился, точно пополам сломался, и оказался на полу. Но пистолет не выпустил, сжимал его, тряс головой, пытаясь освободиться от капюшона, но Илья был уже близко. Врезал тому по запястью что было сил, добавил, видя, что с первого раза не проняло, и парень разжал пальцы. Илья отпихнул пистолет к стене и носком ботинка въехал парню в переносицу. Тот ни черта понять не успел, как из носа хлынула кровь, да так обильно, точно кран включили. Налетчик рухнул ничком и затих, тетенька в джинсах охнула, дедок перекрестился, с улицы раздался веселый звон, что-то шлепнулось и загрохотало. Илья глянул туда, сначала не понял, что происходит, потом сообразил, что еще немного – и будет поздно.

Чертов трактор никуда не делся, он только что легким движением ковша выкинул на тротуар «Оку», впечатал «Форд» в припаркованную рядом «Газель» и теперь сдавал назад, выбираясь из завала. Издалека донесся вой сирен, сюда явно торопились дэпээсники, но ждать их было некогда – до «Тойоты» трактору оставалось метров десять. Сирены приближались, на мокрых стеклах мелькнули сине-красные отблески спецсигнала, Илья дернулся было к выходу, как позади раздался крик.

Орала тетенька в джинсах, она вжималась спиной в стену, зажимала ладонями рот, но это плохо помогало. Крик переходил в истерику, Илья глянул на тетку, на бледную, предобморочного вида кассиршу за стеклом, на деда, которого налетчик держал за ворот плаща. Держал крепко, почти что волок за собой, дед трепыхался в его руках, как неживой, с носа у него слетели очки и грохнулись на пол. Хватило нескольких мгновений, чтобы сообразить – парень тащит деда к пистолету, что лежит у стены. И если допустить, что магазин был полный, а стрелял парень три раза, то в обойме осталось еще пять патронов, а этого более чем достаточно, чтобы смыться отсюда с деньгами.

Илья рванул наперерез, и у стены они оказались одновременно – парень с разбитой рожей и фанатичным взглядом и полуживой дед, который придушенно хрипел и оттягивал ворот, чтобы не задохнуться.

– Отпусти его! – выдохнул Илья, парень матерно огрызнулся, затолкал под футболку пакет с деньгами, потянулся к пистолету и получил коленом в зубы. Разогнулся, глянул изумленно и отпустил старика, тот поспешно отполз в сторонку и кашлял там, тянулся за очками. Парень малость удивленно посмотрел на Илью, на пистолет в его руках и отшатнулся к стеклянной будке, ухмыльнулся, вытер с лица кровь и поднял руки.

– Все, ты победил, – проговорил он и зашмыгал носом. На улице загрохотало так, точно перевернулась фура с металлическими тазиками, Илья глянул в окно и помчался к выходу. Успел удивиться по дороге – куда все подевались? В зале пусто, только мигает над дверью

электронное табло с номером талона, а сотрудников как ветром сдуло. Один сотрудник, вернее, одна, оказался-таки на рабочем месте, та самая девчушка за стойкой у входа. Она с ошалелым видом смотрела на Илью, он кинул пистолет на стойку, крикнул: «Ментам отдашь!» – и рванул на себя дверь, выскочил в предбанник. И тут стало жарко и душно, воздух закончился, в лоб ударило что-то тяжелое и холодное, Илью швырнуло назад, он попытался удержаться на ногах, взмахнул руками… И получил еще один удар, на сей раз под дых, да такой, что свет померк, потом еще один, по ребрам, потом стало темно. Потом рассвело, и он понял, что лежит на полу с заломленными за спину руками, рядом стоят двое в серой форме, слышится треск раций, голоса, вой сирен.

– Эй, орлы, вы чего? – кое-как ворочая языком, проговорил Илья, но на него никто не обращал внимания. Где-то неподалеку плакали женщины, трезвонили мобильники, на улице то и дело включалась сирена. Илья попытался приподняться, но его буквально впечатали в пол, а на запястьях сомкнулись наручники.

– Вы чего? – Он уже пришел в себя, пытался оправдываться и что-то говорить, но зря старался.

– Закройся, – донеслось точно с потолка, потом его подняли на ноги, толкнули к двери.

На улице уже собралась толпа, люди стояли под зонтиками и переговаривались, глядя, как Илью заталкивают в полицейскую машину. Парня с разбитой рожей вытащили через пару минут, задвинули в стоявший неподалеку «Форд», Илья глянул туда и оторопел.

Белая красавица «Тойота» стояла на месте, но ее развернуло на сто восемьдесят, а дверцы, переднее крыло, да и заднее тоже перечеркивала глубокая рваная вмятина. Задним бампером «Тойота» врезалась в опору освещения, а передним нежно прижималась к крылу пикапа с разбитыми фарами и наполовину оторванным номерным знаком.

– Сволочь! – выдохнул Илья. – Вот же скотина, мать его!

Оба сидевших впереди полицая обернулись и пристально посмотрели на Илью, но тот не обращал на них внимания. Впереди, через лобовое стекло он заметил тот самый трактор. Ковш помещался в окне ресторана, тротуар был усыпан осколками, а водитель лежал лицом в луже, прижав руки к затылку, рядом бродили дэпээсники и растягивали измерительную ленту. Зрелище радовало глаз, но лишь отчасти. Машина тронулась, Илья обернулся и посмотрел на «Тойоту», прикидывая стоимость ремонта. Даже если продать тракториста с его железякой, то денег все равно не хватит, а пострадавших тут человек пятнадцать наберется, если судить по ажиотажу, что кипел под дождем. Хозяева метались возле своих покореженных иномарок, куда-то названивали и вообще выглядели неважно, и, судя по виду некоторых, мечтали линчевать тракториста, но того стерегли гайцы. Да, в этой очереди он последний – Илья еще раз глянул на «Тойоту», шевельнул скованными руками и посмотрел на приборную панель – было половина шестого вечера. А банкет по случаю отцовского юбилея назначен на пять, и Макс уже приехал, и наверняка названивает брату, а тот не отвечает…

– Не повезло мужику, – сказал полицейский, что сидел за рулем, – на огромные деньги попал, как отдавать будет – ума не приложу. А все бабы виноваты.

И, заметив непонимающий взгляд напарника, пояснил:

– Жена от него ушла, к соседу. Мужик на разборки сунулся, но новый хахаль жены его с лестницы спустил. Тогда тот водочки с расстройства принял, трактор угнал и кататься поехал. На проспекте еще пять штук зацепил, «Лексус» и так, по мелочи…

– Мужики, – вмешался Илья, – я ж тут ни при чем! Я просто деньги снять зашел, и все. Телефон отдайте, мне позвонить надо.

– Перебьешься, – донеслось с переднего сиденья, – потом позвонишь. Кассир сказала, что ты с грабителем заодно, знаки ей какие-то подавал, потом у подельника своего деньги отнять пытался. Так что насчет при чем – ни при чем дознавателю расскажешь, может, она и поверит.

Не поверила, но позвонить разрешила. Высокая дерганая девица записала показания Ильи, зачитала, подсунула на подпись, потом подвинула телефон. Илья по памяти набрал номер брата, и тот ответил моментально, выкрикнул в трубку «слушаю!» и выдохнул облегченно, услышав Илью.

– Я в полиции, – сказал он, – ехал к вам, но…

– Не доехал, понятно, – оборвал его Макс, – бывает. Где именно, адрес знаешь?

Илья назвал координаты острога и повесил трубку. Дознаватель вызвала конвой, и хмурый мальчишка в форме повел Илью хитрыми коридорами и лестницами на первый этаж, где помещалось специальное помещение для задержанных, оно же «обезьянник».

Грязный до невозможности, заплеванный пол в пятнах засохшей дряни, узкая липкая лавка жутковатого вида, низкий потолок, толстые решетки, выкрашенные в серый цвет, – помещение было узким и темноватым. Хорошо, что постояльцев было немного: спавший на полу бомж, от которого воняло, как от помойки в жаркий день, парень лет двадцати с небольшим, что сидел на корточках у противоположной стенки. Через стенку, то есть решетку, помещалось женское отделение, где на лавке развалилась жирная цыганка в пестрых тряпках, а рядом с ней сидела размалеванная девица в супермини, впрочем, вид девица имела вполне себе товарный, и даже «фонарь» под глазом картины не портил. Цыганка пробормотала что-то, глянула на Илью и закатила глаза к потолку, девица окинула профессионально-оценивающим взглядом, но тут же отвернулась, парень хмыкнул и поднялся на ноги.

– Прошу, – он сделал широкий жест рукой, – третьим будешь, барышни не в счет. Я Александр, временно безработный, оказался здесь случайно. Отошел в кустики отлить, а тут налетели, скрутили, бросили в клетку до выяснения личности. Он, – парень показал на бомжа, – разбил стекло в чебуречной палатке и до смерти рад, что здесь оказался, потому что тепло. А вы тут какими судьбами? – поинтересовался любезный Александр, разглядывая еще недавно очень даже приличный костюм и дорогую обувь новичка. Илья подошел к лавке, провел по ней пальцем и решил пока постоять, прислонился к относительно чистой на вид стене и сказал:

– Банк ограбил. Но неудачно, менты замели.

– Уважаю, – с завистью отозвался парень, – я бы не смог.

И снова уселся на корточки, откинул голову к стене и вроде как задремал. Бомж при слове «банк» приоткрыл глаз, глянул на Илью и поспешно зажмурился. Цыганка раскачивалась на одном месте, что-то подвывая при этом, девица не выдержала и с силой ткнула ее локтем под ребро. Тетка охнула, заверещала не по-русски, девица послала ее по матери, а их обеих криком успокоил дежурный, пообещав множество проблем, если те не заткнутся.

– Занятие проституцией и торговля наркотическими средствами, – вполголоса сообщил парень с пола, Илья по его примеру сел на корточки и попытался отключиться.

Получалось не очень, мешали вонь и грызня цыганки с девицей, что возобновилась, правда, шепотом. Жирная баба обещала шлюхе наплыв клиентов с венерическими заболеваниями, а девица в долгу не оставалась и предсказала соседке по лавке скорый крах ее бизнеса.

– Ты, сука, в тюрьме подохнешь, а выродков твоих живьем сожгут, – сквозь зубы сказала она, цыганка вытаращила глаза и вцепилась проститутке в волосы. Та схватила ее за толстый отвислый нос, цыганка завопила, и обе свалились с лавки, не обращая внимания на окрики дежурного. Тот со всей дури лупил дубинкой по решетке, цыганка верещала, а девица молча драла ей лицо ногтями, драла от души и скалилась при виде крови.

Их кое-как растащили охранники, развели по углам, цыганка проклинала всех и вся, девица молча приводила в порядок прическу. И вдруг замерла, сделала профессиональную стойку и даже изобразила подобие улыбки на побитой физиономии. Илья обернулся на дверь – в дежурку вошел отец, а за ним Макс. Оба при полном параде, красавцы, батя блещет бла-

городной сединой и безупречным костюмом с белоснежной рубашкой под ним. Как никак – юбилей сегодня, надо выглядеть. Вот он и выглядел на все сто, как и Макс, элегантный до невозможности, в черном пальто поверх светлого костюма, причесан, выбрит, улыбается с видом вассала, что прибыл в свои владения. И пахнет умопомрачительно дорогой туалетной водой, враз перебившей все запахи «обезьянника». Не виделись они месяца два, Макс тогда повышение получил, и сутками пропадал на работе, и сейчас выглядел уставшим, но улыбался, хоть и было заметно, что через силу. Отец мельком глянул на Илью и даже не остановился, пошел дальше, Макс же наоборот, подошел к решетке, с откровенным любопытством осмотрелся и прошептал:

– Сидишь, братишка? Ничего, потерпи, сейчас домой поедем.

И вроде спокойно так сказал, без подковырки, однако и в глазах, и в интонации брата сквозила усмешка. Илья этот покровительственный тон стоически вынес, кивнул и посмотрел на отца: тот показал дежурному какую-то бумагу, тот прочитал ее, посмотрел на Илью, на цыганку, что вконец озверела и натурально бросалась на сержанта, в запале обещая ему проблемы по мужской части и отсутствие потомства.

Сержант грохнул дверью, попутно прищемив цыганке палец, та взвизгнула, шарахнулась к стене. Шлюха улыбалась Максу, строила ему глазки, тот окинул ее оценивающим взглядом и сказал:

– Красивая девочка. Была когда-то. Ну и компания у тебя, братик, один к одному. Все, пошли отсюда.

Дверь «клетки» открылась, сержант махнул Илье рукой, и тот вышел в коридор. Отец по-прежнему, точно не замечая непутевого сына, смотрел на полицейского, а тот сказал Илье:

– Выходишь под подписку о невыезде. Завтра явишься к дознавателю, у нее вопросы к тебе есть. Все, можешь идти.

Макс нарочито брезгливо, двумя пальцами взял Илью за рукав, повернул, разглядывая повреждения. Шов на спине треснул еще в банке, штаны в грязи, когда по полу тащили, да и сам рукав наполовину оторван, это уже когда руки выкручивали.

– Хорош, – проговорил отец, – топай давай.

И они потопали к выходу. Дождь прекратился, но было сыро и довольно холодно, свет фонарей терялся в тумане, машины неслись по дороге, поднимая из луж фонтаны грязных брызг. Настроение, несмотря на чудесное спасение из острога, было хуже некуда, Илья чувствовал себя отвратительно. Мало того что отцу праздник испортил, так еще и себя дураком выставил. Ну вот почему бы ему было не стоять спокойно и не помалкивать в тряпочку, когда тот придурок пистолетом размахивал? Дешевле бы отделался. Хотя нет, тут ставки другие…

Домой, вернее к отцу, ехали на новеньком «БМВ» Макса. Тот сидел за рулем, вел машину важно и степенно, как и положено человеку, занимавшему высокий пост. Два месяца назад на работе ему вышло повышение, и теперь это не просто Серегин Максим Васильевич, а заместитель председателя правления и начальник департамента внутреннего аудита довольно крупного, по московским меркам, банка. С соответствующим жалованьем и полномочиями, проистекавшими из этого повышения.

Отец сидел рядом с ним, поглядывал на Илью в зеркало заднего вида. И не с усмешкой, как недавно Макс, а с жалостью, как к убогому или скорбному на голову. Смотрел-смотрел, потом спросил, без малейшего намека на издевку:

– Ну и зачем ты влез? В стороне не мог постоять, Робин Гуд хренов?

Слова отца настолько стыковались с его собственным настроением, что Илья в который раз убедился – отец умеет читать мысли. Посмотрел в окно на цепочку мутных огней, что висели над дорогой, и сказал, глядя на свое отражение в стекле:

– Не мог. Я бы себя уважать перестал.

В зеркало глянули сразу двое: Макс и отец. Брат быстро отвел взгляд, переключился на дорогу, а отец задержался, смотрел на сына. И тут уже Илья знал, о чем думает пожилой, но еще крепкий и во всех смыслах хоть куда человек: «Весь в отца. Волковская порода, не переделать». Серегин Василий Дмитриевич был Илье не родным отцом, а отчимом. Волков Михаил, его сослуживец, погиб при исполнении служебных обязанностей, когда пацану было семь лет. Мать Ильи мужа пережила на полгода, и мальчишке светил детдом, когда Илью забрал к себе Серегин. Привел в дом, к жене и сыну, что был старше приемыша на три года, и как-то сразу, точно самой собой получилось, что они теперь одна семья. Разницы в воспитании пацанов отчим не делал, обоим влетало одинаково, и пряники они получали в равных пропорциях. А внешне были не похожи: Макс высокий сероглазый блондин, предмет обожания девчонок своего и параллельных классов, а Илья на полголовы его ниже, худой, с темными жесткими волосами, что вечно падали на глаза. И Макс лез в драку с любым, кто усомнился бы в их родстве, как и Илья, но неумело, в отличие от брата. А потом, когда навыки пришли, желающих подразнить его «подкидышем» уже не осталось.

И в армии оба отслужили, каждый в свой срок, причем в серьезных войсках, а не декоративных, где солдат видит автомат один раз, во время присяги. Потом оба закончили один и тот же институт, но у Макса учеба хорошо шла, а Илья ленился, ему было неинтересно. Не управление финансами манило, а другое – движуха, опасность, война, если угодно. Отчим это дело давно просек и посмеивался иногда: сколько волка ни корми, а он в лес смотрит, намекая на характер Ильи. Илья не обижался, но поступал по-своему. Отец терпеливо ждал, когда тот «отбесится», но сегодня, судя по его виду, терпению пришел конец. И было кое-что еще, Илья помнил, что подобное доводилось видеть раз или два в жизни: когда Макс с медалью закончил школу, а потом получил это самое повышение. Тогда отец смотрел точно так же, как и сейчас, и Илья без труда угадывал его мысль: «Мой-то молодец, смог, а этот…». Мой и не мой, чужой – от осознания собственной никому ненужности стало холодно и мерзко, точно снова оказался в «обезьяннике». Отец поспешно отвел взгляд, что-то негромко сказал Максу, тот прибавил газ, и «БМВ» только что не полетел над дорогой, как в том анекдоте.

На даче ждал накрытый стол, почти нетронутый, открыть успели лишь коньяк – отец пил только его, и то, когда случался повод. Как сегодня, например, но торжество получилось скомканным. Илья умылся, кое-как привел в порядок одежду и сел за стол, Макс налил отцу коньяк, брату – водки и только занес бутылку над своей рюмкой, как отец сказал:

– Погоди, успеешь.

Бросил на стол телефон, документы и кошелек Ильи, тот рассовал все по карманам, проверив сначала наличность. Все на месте, даже карточка злосчастная, даже странно. То ли менты теперь порядочные пошли, то ли отец постарался. Второе скорее, он в их городке всех знает, с кем-то служил, с кем-то водку пил, с кем-то работал и так далее. Вот и разгадка.

Илья поднял рюмку, пробормотал что-то вроде поздравления, отец ухмыльнулся, чокнулся со стаканом минералки, что держал Макс, потом, точно нехотя, с Ильей. Выпили, закусили, потом выпили еще, уже без тоста, сидели молча, и обстановка была как на поминках. Макс пытался что-то говорить о своей работе, но, не чувствуя поддержки, замолк и принялся грызть яблоко. Илья посмотрел в рюмку, уже четвертую или пятую по счету, глянул на отца и выпил водку залпом.

– Закусывать надо, – подал голос Макс, расправляясь с яблоком. Илья кивнул и налил себе еще. Отец молчал, брат тоже, в комнате стало очень тепло, занавески на окнах двигались точно от ветра, голова немного кружилась. Илья потянулся за бутылкой, и отец не остановил его, спросил, глядя, как «приемыш» надирается в одно лицо:

– Дальше что делать будешь?

Вопрос не содержал в себе подвоха, и Илья честно ответил:

– Просплюсь и на работу пойду. А что?

Отец одобряюще кивнул, глянул на Макса: оцени, мол, какой у тебя брат сознательный. Илья на это внимания не обратил, занятый мыслью – допить все, что осталось в бутылке, разом или растянуть на два захода.

– Молодец, – отозвался Макс, – уважаю. А как на работу поедешь?

Илья сник, сжал в пальцах рюмку. Сказать было нечего, «Тойота» разбита в хлам, а денег нет и не предвидится. Нет, предвидится, но зарплата в следующем месяце, а она небольшая, на ремонт не хватит.

– На работу он пойдет, – сказал отец, – гляньте на него. Работничек… До старости будешь в мячики играть, дитятко?

Ну, это он погорячился. Не в мячики, а в пейнтбол, причем за деньги, обучая желающих этой нехитрой, но азартной игре. Этакая войнушка по-детсадовски, бескровный вариант, но в остальном все по-взрослому: и экипировка, и оружие, и эмоции. Надо же где-то людям пар спускать, вот и скачут они по лесу, стреляя друг в друга шариками с краской, и бурно радуются, если враг «убит». Отец эту работу ненавидел всем сердцем, что не скрывал, и поминал недобрым словом при каждом удобном случае. А сейчас как раз такой и выдался, и крыть Илье было нечем, и он пробормотал, глядя в стол:

– Это не мячики. И потом, я работаю на свежем воздухе, это полезно…

– Я сам решу, что тебе полезно! – рявкнул отец, вырвал у Ильи бутылку и поставил рядом с собой. Макс глянул на отца, на Илью и состроил зверскую физиономию: не спорь, мол, а то хуже будет.

Куда уж хуже: отец, понимая состояние сына, дал тому возможность малость прийти в себя и теперь свалил на лопатки, прижал к полу. Фигурально выражаясь, разумеется, они так и сидели за столом, а вокруг люстры летали комары, тонко гудели и кидались в лицо. Отец отмахнулся от назойливой твари и повторил:

– Я сам решу за тебя, раз сам не можешь. Тридцать лет, а ума нет. Сидеть!

Илья плюхнулся на стул, но неловко, и приземлился Илья на ковер, поймал спорхнувшую следом тарелку, по счастью пустую, и так сидел с ней в руках. Макс перегнулся через стол, посмотрел на брата и засмеялся, весело и беззлобно, отец усмехнулся, пригладил волосы и сказал уже спокойно, даже устало, обращаясь к Максу:

– Все, он мне надоел. Не могу больше его видеть.

И этого хватило с лихвой, Илья набычился, смотрел на отца, тот на него, и оба молчали. А чего тут говорить, давно все сказано. И по поводу первого брака, как и предсказывал отец, оказавшегося неудачным, – расстались они через полгода. И вторая его подружка тоже отцу не по душе пришлась, но тут сам виноват – влюбился, как школьник, а она все в Шарм да Хургаду каталась, к хабибам своим, махмудам и прочим абрухманам. Они ей потом названивали, с одним Илья даже поговорил, на смеси арабского и русского народного, хорошо поговорил, содержательно, махмуд, или кто это там был, все понял. Как и подружка, которой пришлось собрать вещички и умотать на красноморье зализывать раны. Впрочем, Илью уже мало волновали ее маршруты, отец дожимал его, принуждая к семейной жизни то издевками, то нравоучениями, знакомить с женщинами пытался, но тут Серегина-старшего поджидал облом. После всех своих неудач в каждой новой знакомой Илья видел потенциальную шалаву, и ничего поделать с собой не мог. Отец обозвал его болваном, неделю не разговаривал, потом все вернулось на круги своя, но отец нет-нет, да напоминал Илье – пора, мол. И, как вот сейчас, было достаточно одного слова.

– Надоел, – повторил отец, – увози его отсюда. Куда хочешь увози, но пристрой к делу. Или я его обратно ментам сдам, как организатора ограбления банка.

Илья поднялся на ноги, проверил стул на прочность, сел, поставил тарелку на место. Посмотрел на брата, на отца, снова на Макса. А тот радостно ухмылялся, только что руки не потирал, и даже пальцы принялся загибать, будто подсчитывал что-то.

– И заберу, – сказал он, глядя мимо брата, – нам как раз в департамент по развитию малого бизнеса человек нужен. Должность хорошая, правда, стартовая, но через полгода до заместителя тебя дотянем, а там и на руководителя аттестуем. Диплом у тебя подходящий, опыта наберешься, – смаковал он подробности будущего Ильи. Отец откинулся на спинку стула и смотрел на поникшего младшенького с довольным, даже торжествующим видом. Сработало, дожал он «приемыша», теперь тому не отвертеться. Сколько раз его Макс к себе в банк пристроить пытался, а Илья выкручивался, отнекивался или просто от разговора уходил. А теперь так накосячил, что вовек не разгрести, и выход всего один.

– И что – мне костюм придется носить? Каждый день? – спросил он, Макс немедленно кивнул и добавил:

– И еще галстук, я тебе своих парочку отдам, они еще ничего, тебе в самый раз будут. Костюм – обязательно, не этот, конечно, – он брезгливо тронул Илью за рукав, – что-нибудь поприличнее тебе купим. Жить в квартире моего приятеля будешь, ему по наследству от тестя досталась, друг как раз ее сдавать собирался, и просит недорого, сторгуемся. Так что готовься…

– У меня опыта нет, меня не возьмут, – пришла на ум последняя отмазка, но Макс безжалостно растоптал ее.

– Я заместитель председателя правления, или где? – выпрямился он, гордо расправляя плечи. – Возьмут, куда ты денешься… Завтра спи, а послезавтра жду тебя к девяти утра.

– Все, – оборвал Макса отец, – хватит. Дело сделано, никуда он не денется. Сейчас вези его домой и возвращайся.

Илья выбрался из-за стола, вышел на крыльцо и вдохнул сырой, пахнущий тиной воздух. На отцовском участке имелся пруд, в нем жили караси и лягушки, их концерт был в разгаре. За забором орали и дрались коты, накрапывал мелкий дождик, ветки деревьев таинственно шумели над головой. Макс сбежал по ступенькам на дорожку, завел машину, Илья пошел открывать ворота. Отец наблюдал за ними с крыльца, потом махнул Илье, чтобы тот садился в машину, и сам потянул обратно створку ворот. «Бэха» мягко взяла с места, Макс включил негромкую музыку, глянул на Илью и хлопнул его по коленке:

– Спокойно, братик, пошутил я, нет никакого развития, вернее есть, но не про твою честь. В общий отдел тебя пристрою, там такие нужны, чтобы и в морду клиенту дать могли, или добрым словом убедить, по обстоятельствам. Кстати, нормативы по стрельбе и физо они регулярно сдают, и премии за это получают, или выговор, по результатам.

– Да ладно? – не поверил Илья, слабо представляя себе, как подобным образом можно сделать в банке карьеру. Макс выехал на трассу и прибавил скорость. Машина летела по гладкой мокрой дороге, идеально слушаясь руля, почти по-собачьи предугадывая желания хозяина. Илья смотрел через мокрое стекло и боролся со сном. Макс выключил музыку и сказал:

– В банке есть особое подразделение, что-то вроде службы безопасности. Они работают по наводке наших аналитиков, которые следят за операциями и платежами. Бывает, и до физического контакта доходит, но редко. Начальник тебя в курс дела введет, я его завтра предупрежу, а потом вас познакомлю.

Промелькнул знак границы города, Макс сбавил скорость, глянул на брата и улыбнулся:

– И женщину тебе найдем, не переживай. У нас такие экземпляры имеются – мама дорогая, сам бы женился, но закон двоеженство не позволяет. И давай дальше без глупостей, ладно? Отец расстроился, а у него сердце слабое, ты знаешь.

Илья знал, и поклялся отныне вести себя прилично, завтра наведаться к дознавателю, а послезавтра к девяти утра приехать в Москву. На том и распрощались, Макс уехал, а Илья потопал к себе на четвертый этаж, шел неторопливо, придерживаясь за перила, и думал только об одном: он влип, влип основательно и надолго, из банка живым ему не уйти. В коридоре под ногами захрустели осколки, Илья присел на корточки, поднял один, другой, порезался и бросил, решив прибраться утром. Глянул в разбитое зеркало и пробормотал своему темному всклокоченному отражению:

– Допрыгался? Так тебе и надо. Вот будешь теперь до старости дебет с кредитом сводить.

Но все оказалось не так страшно, как он представлял себе, пока ехал в электричке. Дознаватель была очаровательно любезна, предупредила, что вызовет, как только «появится необходимость в его присутствии», и отпустила с миром. Из УВД Илья сразу поехал на вокзал, и, оказавшись в Москве, первым делом явился в банк. Макс встретил брата на первом этаже, провел по своему пропуску в лифт и на четвертом повел коридорами и переходами. Илья шел следом за Максом, ловил на себе любопытные взгляды сотрудников – молодых мужиков, похожих на его «учеников», и барышень, одетых либо донельзя строго, либо настолько легкомысленно, что не сразу и разберешь – девушка на работу пришла или на вечеринку. Сотрудники здоровались с Максом, он отвечал – кому ответным приветствием, кому кивком – и размашисто шел дальше, чувствовал себя уверенно и вообще был здесь как рыба в воде. Илья старался не отставать, смотрел перед собой, а иногда за приоткрытые двери кабинетов. Изнутри доносился гул голосов, стояли перегородки, где, точно в загончиках, сидели клерки и смотрели в мониторы. На миг вернулась прежняя тоска и ужас перед офисной работой, но также быстро схлынула – в кабинете потенциального руководителя перегородок не оказалось, было довольно просторно, а с улицы доносился грохот трамваев.

Начальник местной СБ, плотный невысокий мужик с рыжеватыми усами и отчетливой лысиной ждал их, Макс представил обоих друг другу и ушел, пообещав вернуться через полчаса. Илья остался с Феликсом Артемьевым – так звали хозяина кабинета – один на один, сел на предложенный стул и принялся осматриваться. Ничего лишнего здесь не было: стол, три стула вдоль стены, шкаф для одежды, шкаф для бумаг, забитый папками, довольно пыльными, монитор на столе, кактус на широком подоконнике. Другое растение тут давно бы загнулось – хозяин курил, причем постоянно, что навевало на мысли о небольшом нервном расстройстве. В кабинете пахло табаком и чем-то кислым, несмотря на открытое почти настежь окно. Артемьев закурил, пролистал бумаги Ильи, отодвинул их, уставился на своего будущего подчиненного. Осмотрел с ног до головы еще раз, точно прикидывая, на что тот способен, и сказал:

– В общем, все просто. Рабочий день с девяти и до… Как получится. Всяко бывает, не угадаешь. Ситуации разные случаются, я тебе потом подробно обскажу, с ребятами своими познакомлю. Они сейчас на выезде, в филиале на Тверской проблемка возникла, надо решить оперативно. Главное. – Он стряхнул пепел в пепельницу из темного камня. – Разбираться желательно без рук, как говорится, но опять же – по обстановке. Физо раз в месяц пацаны мои сдают, в тир раз в две недели ездим, разрешение на оружие имеется. «Иж» и «ПМ» – знакомо?

Он впился в Илью взглядом прищуренных зеленоватых глаз, Илья кивнул, Артемьев ткнул окурок в пепельницу.

– Вот и славненко, через недельку и покажешь, на что способен. Служил? Награды имеешь? Спортом занимался? Разряд, категория? – сыпал он вопросами, Илья отвечал коротко: служил, но не участвовал, военно-учетная специальность – замкомандира взвода, наград нет, спорт – бег по пересеченке и плаванье, но разряда нет. Артемьев докуривал уже третью сигарету, вдавил ее в пепельницу и подвел итог:

– Испытательный срок – три месяца, но, думаю, ты сразу все поймешь, и я тоже. Зарплата – пока полтинник, дальше поглядим. Премии бывают – за успешную сдачу нормативов по физо и стрельбе, а также кварталки. И за работу с проблемными клиентами. – Он заметил непонимающий взгляд Ильи и пояснил:

– А таких у нас как собак нерезаных: мошенники, обналичники и прочая шушера. Но без крайней необходимости морду им не бить! – Артемьев грозно ткнул в потолок указательным пальцем.

– А что – бывает? – спросил Илья.

– Еще как, – точно нехотя отозвался Артемьев и потянулся к стоявшему на столе телефону.

Переговорил с кем-то по поводу оформления нового сотрудника, подмахнул здесь же написанное Ильей заявление и только поднялся, чтобы проводить его к кадровикам, как в кабинет вошел Макс.

– Порядок, – сказал ему Артемьев, – как договаривались. Зарплату, думаю, месяца через два поднимем, раньше не могу, сам понимаешь.

Полез в пачку за очередной сигаретой, ничего там не обнаружил, смял упаковку и бросил в мусорную корзину. Промазал, но сделал вид, что все в порядке, Макс прикинулся, что ничего не заметил.

– Нормально, – сказал он, – спасибо. – Пошли, – это относилось уже к Илье, – я его сам кадровичкам сдам.

Артемьев кивнул и загремел ящиками стола, Макс закрыл дверь и оказался с братом в коридоре.

– Ну, как тебе? – спросил Макс, пока шли по коридорам и лестницам на второй этаж. Илья не знал, что и сказать, вернее, не хотел произносить это вслух. Ему здесь не нравилось, а что именно – он и сам не мог объяснить. И планировка здания, и поделенные на стойла кабинеты, и чрезмерно деловой вид сотрудников, и этот Артемьев не нравился больше всего. Но отторжение шло на уровне подсознания, возможно, виноват был слишком резкий бросок с полигона за городом в самый, считай, центр Москвы и внезапное трудоустройство на огромную, по меркам их городка, зарплату. Илья решил, что со временем разберется и в себе, и с новой работой, поэтому просто ответил:

– Не знаю пока. И что – у меня есть выбор?

– Нет, конечно! – отозвался Макс. – Нет у тебя выбора, поэтому молчи в тряпочку и делай, что говорят. Артемьев тебя научит, у него опыт – будь здоров. Он отставник, полковник вроде. С башкой проблемы, правда, имеются, но это терпимо. Да и у кого их сейчас нет?

Он постучал в дверь первого от лифта кабинета и чуть ли не втолкнул Илью в отдел кадров, сдал с рук на руки полноватой блондинке в сером костюме. Блондинка вцепилась в Илью намертво и держала у себя минут сорок, пока он заполнил все документы, незаметно подошел обед. Столовка оказалась довольно приличной, народу было полно, Макс торопился и на два часа бросил Илью в своем кабинете, пока шло совещание.

Помещение брат отхватил себе на загляденье – просторное, светлое, с обилием зелени в кадках на полу и на подоконнике, с мебелью из светлого дерева и кондиционером. На двери помещалась золотая табличка с черными буквами «Серегин М.В.» и указанием должности, в кабинете имелся небольшой аквариум с полосатыми и черными рыбками и в полстены размером «плазма». А вид из окна открывался сказочный: здание стояло на возвышенности, и часть старой Москвы с высотками и силуэтами небоскребов Сити – на горизонте. Через дорогу помещался старый дом с поразительной красоты фасадом в лепнине, амурчиках, гирляндах и милыми чердачными окошками, вокруг которых красовались белейшие «розетки», придававшие окну вид цветка. Илья то слонялся вдоль огромного, во всю стену, окна, раз-

глядывая окрестности, то сидел в «директорском» кресле, играл в пасьянс или лазил по Сети и вконец извелся от безделья, когда из приемной донесся девичий голосок:

– Максим Васильевич, вам насчет квартиры звонили, вот адрес. Просили передать, что ждут сегодня после шести.

– Спасибо. – В кабинет вошел уставший и слегка раздраженный Макс.

– Все, – выдохнул он, – поехали отсюда. Руководство свалило, завтра председатель правления улетает на Тибет, и три недели я его не увижу. – Макс бросил папку с бумагами на диван у стены и открыл шкаф.

– На Тибет? – удивился Илья. – И не лень ему тащиться в такую даль…

– Не лень. – Макс надел плащ, нашел в кармане ключ от машины. – Он третий раз туда летит. Карму чистит…

– И как – успешно? – уже заинтересованно спросил Илья. Не то чтобы вопрос чистки кармы занимал его так сильно, но прозвучало интригующе.

– Черт его знает. – Макс первым вышел из кабинета. – Помогает, наверное. Он каждый раз оттуда какой-то просветленный возвращается, умиротворенный. Как Будда. Поехали, квартиру тебе покажу. Приятель мой нас ждет, но сразу свалит, как только ключи тебе отдаст.

Помимо кабинета Максу полагалась секретарша, трогательное юное существо с беленькими волосиками над розовым носиком, голубоглазое и бестолковое.

– Я домой, – сказал ей Макс, – кабинет закрой и рыбок покорми. Вернее, наоборот.

– Конечно, Максим Васильевич, – прочирикала секретарь. – А вы вернетесь?

– Завтра, дочь моя, завтра, – Макс возвел глаза к потолку. Илья отвернулся, чтобы скрыть усмешку. Девчонка ничего не поняла и продолжала дежурно улыбаться. Крикнула им вслед: «До свиданья!», Макс буркнул что-то и пошел по коридору в сторону лифта.

– И где они таких берут, – ворчал он на ходу, – дура дурой, ей еще в куклы играть. Навязали овцу на мою голову…

И остановился, да так резко, что Илья едва не врезался брату в спину, притормозил в последний момент, и на полшага обошел Макса и едва не столкнулся с невысокой полной женщиной. Та загораживала Максу дорогу, стояла, расставив толстые ноги, и смотрела на Макса снизу вверх, смотрела с таким видом, что Илья никак не мог понять, что женщина сделает дальше: кинется на брата с кулаками или заплачет.

– Что? – устало спросил Макс, глядя на женщину, и, как пару минут назад в кабинете, страдальчески воззрился на потолок. – Что еще? Я все сказал, Лариса Дмитриевна, что еще вам от меня надо? – произнес он по слогам, будто разговаривал с неразумным ребенком.

Он попытался обойти «преграду» вдоль стены, но тетенька шустро метнулась вбок, опередила его и почти что загнала в угол, точнее, в нишу с окном, оттеснив от лифта. Илья не вмешивался, просто рассматривал чудную тетку, гадая, что ей нужно от брата.

Лариса Дмитриевна своим видом напоминала помидор на спичках, которые заканчивались острыми тонкими каблуками, а сверху, где у овощей находится плодоножка, помещался еще один помидор – поменьше, сморщенный и взлохмаченный, в очках, а собственно плодоножку заменяли фрагменты ботвы, прилипшие к затылку и вискам. Основной помидор был несимметричный, со всех его сторон свисали клока темной ткани – то ли юбка, то ли платье с балахоном поверх нее, то ли просто непонятного покроя полосатая хламида, в которую тетенька кутала свою тушку. Однако настроен «помидор» был решительно, даже слегка агрессивно.

Женщина улыбнулась, поправила очки, почти с ненавистью глянула на Илью, потом подобострастно – на Макса и проговорила:

– Я просила вас подумать, Максим Васильевич, а не отказываться сразу. Это очень важно для меня, очень. Я в долгу не останусь…

Тут воспитанный и галантный в любых почти ситуациях Макс не выдержал, довольно грубо двинул тетку с дороги и быстро пошел к лифту. Илья двинул следом, успев заметить краем глаза, что лицо женщины перекосило, как от боли. Она прошептала что-то невразумительное, буквально пару слов, но с такой злостью и отчаянием, что Илье стало не по себе. Но наваждение прошло в тот же миг, а Лариса Дмитриевна лишь загадочно улыбалась, глядя Максу в спину. Что у нее там было на уме – Илье было наплевать, он догнал брата и вошел за ним в лифт. Напоследок заметил, что тетка следит за ними и продолжает при этом странно улыбаться, мысленно послал Ларису Дмитриевну ко всем чертям и отвернулся.

«Бэха» ждала на парковке перед банком. Макс сел за руль, завел двигатель. И пока ехали, не лихачил, как вчера, держался в правом ряду и помаленьку вводил Илью в курс дела. В основном рассказывал о сотрудниках, кто кому друг или враг, советовал держаться от всех подальше и слушать Артемьева, с остальными не связываться и вообще общаться поменьше.

– Гадюшник, – подвел Илья итог, Макс кивнул и остановился перед «зеброй».

– Гадюшник, – подтвердил он, – еще какой. Одна Кузнецова чего стоит. Ну, та баба, что сейчас меня у лифта подловила, – пояснил он.

– Чего ей надо? – спросил Илья. Эта встреча не шла у него из головы – уж больно странно выглядела эта Лариса Дмитриевна, которая больше походила не на банковского работника, а на блаженную фанатичку, что наводило на мысль о ее не совсем крепком душевном здоровье. Однако Макс отмахнулся и тронул машину с места.

– Да ерунда какая-то, – пробормотал он, – это наш старший экономист. Почти два месяца за мной ходит как приклеенная. Я ее в кабинет к себе пускать запретил, так она меня в коридоре караулит. Все помощь какую-то просит, якобы только я ей помочь могу.

– Может, влюбилась? – предположил Илья. Макс перекрестился, сплюнул через левое плечо и перестроился в левый ряд.

– Да черт с ней, не обращай внимания, – перевел брат разговор на другое. – Платят у нас хорошо, даже очень, через годик тебя на зама Феликсу подтянем, потом сам рулить будешь.

«Это вряд ли», – подумал Илья, глядя на столицу из окна машины. Он уже решил для себя – год. Ровно год, начиная с этого самого дня, и ни часом больше он в банке не останется. А пока надо потерпеть – и Макса подставлять незачем, и деньги нужны, «Тойоту» опять же надо ремонтировать. А год – это недолго, можно и потерпеть.

Зато квартира понравилась: чистая светлая однушка на третьем этаже старого дома с толстыми стенами, высокими потолками и окнами, что выходили во двор-колодец. На дне «колодца» стояли машины и росли клены, уже начинавшие желтеть, асфальт блестел от дождя. Мебель в квартире была старая, монументальная, еще с советских времен, но это роли ровным счетом никакой не играло. Бытовая техника была поновее, Илья все осмотрел под руководством невысокого седого мужика – хозяина квартиры, забрал ключи. Сторговались по-божески, почти в половину от стоимости обычной аренды, причем Илья подозревал, что Макс уже отдал большую часть. И только собрался поговорить с ним по душам, как брат с приятелем вышли в коридор, пошептались там о чем-то, и хозяин квартиры, как и обещал, удалился.

Макс выпил воды из-под крана, направился в коридор, но Илья загородил брату дорогу. Тот со своей необидной и лихой усмешкой глянул Илье в глаза, уперся кулаками в бока: давай, бей, мол, я не сопротивляюсь. Он так всегда делал, понимая свое превосходство или возраст, давая младшему фору, что Илью злило донельзя и обезоруживало. Вот и сейчас он отступил, выругался негромко и сказал:

– Макс, зачем? Я сам заплачу, когда заработаю. Я тебе снова должен. Вот и кто ты после этого?

– Заработаешь, обязательно заработаешь, – серьезно сказал Макс, – миллионер ты наш. Отец деньги дал, просил тебе не говорить, но я сказал. С ним и разбирайся, а я пошел, завтра

рано вставать. И да – Артемьев просил передать, чтоб ты завтра к обеду приходил, раньше он занят, не до тебя. Все, пока.

Так просто ему отвязаться не удалось. Илья пошел следом, намереваясь и проводить брата, и заодно пройтись, подышать свежим воздухом. Отчего-то оставаться одному в чужой квартире ему было невмоготу, да и поесть не мешало бы, а для начала надо найти поблизости магазин. Вышли из подъезда, постояли под мелкой моросью, глядя на двух черных с подпалом такс, что носились по газону. Носились так забавно и самозабвенно, что настроение поднялось само собой при виде беззаботно играющих псов. Их хозяйка, строгая брюнетка лет тридцати, кое-как переловила собак, посадила на поводки и повела к третьему подъезду. Макс посмотрел ей вслед, кивнул, сказал шепотом:

– Оп-па, а я и не знал, что тут такие красотки живут. Ты не теряйся, не теряйся. – Он легонько двинул локтем Илью по ребрам и сел в машину, завел двигатель. Илья показал брату кулак, тот отмахнулся, поправил зеркало заднего вида и поехал к выезду на проспект, повернул к арке и уже почти пропал в ней, как слева что-то мелькнуло, так быстро, точно звезда упала. Багровая искра летела сверху вниз, Илье даже показалось, что он слышит тихий свист. Мелькнула, и пропала за кормой «бэхи», секунду или две ничего не происходило, а потом грянул взрыв. Машина подпрыгнула на месте и загорелась, пламя охватило в момент, поднялось столбом, загудело, и тут рвануло еще раз, на асфальт полетели осколки – это лопнули стекла. Огонь поднялся почти до второго этажа, раздался чей-то крик, потом вой сигнализаций припаркованных рядом машин, «бэха» плюхнулась на брюхо – ее покрышки уже сгорели, точно облитые бензином. Да не точно, а так оно и было – это рванул бензобак, полный, как запомнилось Илье, когда он смотрел на приборную панель, топлива было много, и гореть оно будет долго.

Илья кинулся к машине, отшатнулся, закрываясь от нестерпимого жара, побежал к водительской дверце, понимая, что уж поздно, что Макс внутри, но его не видно, он точно растаял в огне. Машина на глазах превращалась в обугленную груду металла, бесформенную, тошно вонявшую гарью и бензином, внутри никого не было. Илья зачем-то задрал голову, обежал машину вокруг, позвал Макса, крикнул еще раз, и еще, но никто не отзывался. Потом кто-то схватил его за куртку, потащил прочь от машины, Илья вырвался, рванул обратно, но его успели перехватить, толкнули на газон. Потом приехали пожарка и «Скорая», а потом пошел дождь.

Он лил всю ночь, стучал по подоконнику, Илья сидел на кухне и смотрел в стенку. В окно он глянул лишь один раз и больше не подходил, хоть и стемнело давно. Он знал, что «БМВ» еще там, его не увезли, заберут только завтра на спецстоянку, как сказал кто-то из полиции, но Илья не помнил, кто именно. По-хорошему, надо было лечь поспать, хоть немного, но стоило закрыть глаза, как появлялась картинка – из салона достают черную скрюченную куклу, кладут ее в черный пластиковый мешок, загружают в салон «Скорой». Эмоций при этом Илья не испытывал ни малейших, он точно знал, что это не Макс, просто потому, что так не бывает. Не бывает, что здоровый, полный сил молодой мужик за считаные минуты превращается в головешку.

И все же это было, шок и ступор спали ближе к рассвету, Илья поднялся с табуретки и подошел к окну. В темноте ничего не разглядел, но сквозняком в форточку принесло слабый запах гари, Илья передернулся, как от удара, и закрыл окно. Но не отходил, смотрел в темноту внизу, привыкая, осознавая, что Макса нет, он не вернется. Он сгорел в своей машине, это его положили в мешок и увезли в морг «для следственных действий» – вспомнились слова того же полицая. И еще кое-что подкинула память: «несчастный случай». Ну, если считать взрыв бензобака новенькой немецкой машины, недавно только из салона несчастным случаем… Хотя полицаям виднее.

Дыхание перехватило, Илья прижался лбом к холодному стеклу и закрыл глаза. Постоял так, вернулся на табуретку, уставился в стену. Было еще кое-что, до этой минуты крутившееся где-то на окраине сознания, а теперь напомнило о себе. «Отец не знает», – Илья отогнал эту мысль, но она тут же вернулась и вцепилась в измученный мозг. Отделаться от нее не было никакой возможности, Илья пристально смотрел в стенку, точно искал на ней ответ, и думал, как поступить.

С момента взрыва прошло почти десять часов, жене, вернее, вдове Макса – Ольге – уже сообщили, она звонила ночью и подозрительно спокойным голосом принялась расспрашивать его, как это произошло. Илья поначалу пытался ей наврать, но та мигом расколола его, а дальше у нее началась истерика. Ольга рыдала так, что Илье казалось, что вдову слышат его соседи за стенкой, он молча слушал Ольгу, потом связь оборвалась. Перезванивать он не стал – не до того было, пока сам себя в руки взял, уже утро настало. Серое, мутное, дождевое, с низкими облаками над крышами и ленивой моросью. Илья включил газ под чайником, достал мобильник, посмотрел на него. «Надо сказать – решился он, – пусть лучше от меня узнает». Мысль, что о смерти Макса отцу сообщат посторонние равнодушные люди, подстегнула, и Илья набрал номер отца.

Тот отвечать не торопился, но Илья ждал, пока не услышал знакомое недовольное «слушаю». Тут снова перехватило дыхание, Илья переждал спазм и сказал, выдал залпом, точно боялся, что еще секунда – и он не сможет выдавить из себя эти слова.

– Макс умер.

Пауза, потом тихий шорох, звон, потом снова тишина, абсолютная, точно в космосе. Илья молчал, отец тоже, потом спросил очень спокойно и ровно:

– Когда, где? Как это произошло?

– Вчера, – быстро ответил Илья, – вчера вечером, у дома его друга. ДТП, Макс врезался в дерево, взорвался бензобак…

Врать он никогда не умел, получалось коряво и нелепо, как и в этот раз. Чтобы бензобак взорвался при столкновении с деревом, скорость у машины должна быть под двести. Нет, «бэхе» это было нипочем, но на трассе, а не во дворе же. Отец промолчал, судя по фоновым звукам, он ходил по комнате, ходил быстро, а микрофон закрывал ладонью, чтобы не выдать тяжелого дыхания.

– Отец, – тихо сказал Илья, – ты меня слышишь?

– Да, – резко ответил тот, – слышу. Я приеду.

И отбился, из трубки понеслись короткие гудки, засвистел чайник. Илья выключил газ и собрался налить в кружку кипяток, но передумал. Он не мог больше оставаться в квартире, запертый в четырех стенах, она опротивела ему всего за одну ночь, он ненавидел это чужое жилье, точно оно было в чем-то виновато. Если бы Макс не привез его сюда, то ничего бы не произошло. Илья вышел в коридор, накинул куртку и сбежал по лестнице вниз. Обгоревший кузов «БМВ» лежал там же, где и вчера, Илья подумал, что это плохо, очень плохо, отец увидит его и поймет, как умер его сын. Вытащить бы эти головешки отсюда к чертовой матери, но трогать нельзя, ибо «следственные действия», черт их дери…

Было уже довольно светло, мимо проходили люди – они торопились на работу, поглядывали на останки машины и торопились дальше. Из третьего подъезда выскочили веселые таксы, за ними вышла сонная хозяйка, но собак она держала на поводках. Тем шлейки не мешали, псы резвились в точности, как и прошлым вечером, носились по лужам и в шутку дрались между собой. Илья смотрел на них, и тут вчерашняя картинка снова возникла перед глазами. Вот Макс прощается с ним, вот садится в машину, заводит ее, потом слева летит багровая искра, пропадает, и над машиной поднимается огонь. Искра… он видел похожее раньше, причем довольно часто, правда в темноте. Хотя нет – днем тоже, но всего пару раз. Но тогда дело было на полигоне, во время стрельб, а здесь город....

«Ерунда, быть того не может», – Илья машинально смотрел по сторонам, на верхние этажи дома-колодца, а в голове крутилось: «трассирующая пуля – это снаряд особой конструкции, светящийся в полете и оставляющий за собой дымный след». Дымного следа он не заметил, но это ерунда – свет-то был. И еще кое-что подкинула память: «трассирующий снаряд обладает зажигательным действием при попадании в легковоспламеняющийся объект (стог сена, бак с парами топлива)». Какие пары, у «бэхи» был полный бак…

Илья крутился на месте, смотрел на окна верхних этажей. Встал к машине спиной, пристально оглядел их, понимая, что выглядит глупо, но поделать с собой ничего не мог. Мозг милостиво подкинул задачку, отвлекая от пережитого ужаса и давая паузу перед грядущим – перед встречей с отцом, объяснением с ним, перед похоронами. На седьмом – последнем этаже – окно подъезда было открыто, и Илья кинулся туда, ворвался в подъезд и остановился.

Бардак тут был жуткий – шел ремонт, причем самая грязная его часть: сдирание старой штукатурки и побелки. Ступеньки покрыты плотной коркой грязи, стены в пятнах, в воздухе летает белая пыль. Илья осторожно, держась центра лестничного пролета, поднимался вверх, глядел по сторонам и под ноги. Стремянка, пластиковые ведра с водой и пустые, еще с какой-то дрянью, тряпки, грязная до жути спецодежда, обертки, обрывки газет, окурки – чувство такое, точно в бомжатник угодил. Но нет, люди тут жили приличные, на четвертом этаже он встретил девушку – она боком, на цыпочках кралась к лифту, стараясь не запачкать черные туфли. Страдальчески глянула на Илью и пропала в относительно чистой кабине.

На седьмом этаже ждала та же дрянь, грязь и разруха. Илья остановился на верхней ступеньке, наскоро огляделся и пошел вдоль стенки, глядя в пол. Следы, следы – их множество, на побелке хорошо видны отпечатки подошв, и также полно мусора. Зато потолок свежепобелен, поэтому окно и открыли, чтобы просох. Илья пошел туда, но остановился на полпути.

На подоконнике стоял пластиковый ящик, стоял на боку, на полу валялась тряпка. Обычная тряпка, таких тут полно, и все же в ней было что-то не то. Илья постоял еще немного и понял – она не перемазана в побелке, как другие, ее принесли недавно, может, даже вчера. Он поднял обрывок, покрутил его в руках, принюхался. Потянул носом еще раз, и поднес тряпку к лицу. От нее еле уловимо пахло ружейной смазкой, на синей ткани остались темные пятна, длинные и размазанные, точно кто-то протирал оружие. И бросил протирку здесь – то ли по небрежности, то ли наплевав на последствия. Илья положил тряпку на подоконник, перегнулся через него, потом отошел назад, пригнулся еще раз. Если бы он выбирал позицию для стрельбы, то лучшей не найти – двор и подъезд друга Макса как на ладони. И машина тоже, ее отлично видно отсюда, и стоит она, повернувшись к бойнице крылом с бензобаком.

«Совпадение?» – крутанулось в голове. Илья об этом особо не задумывался, глядел под ноги, на стену, на потолок и сам не знал, что ищет. Вернее, знал, но гнал от себя эту мысль, чувствуя, как желудок сжимается в крохотный комок, а по хребту бегут ледяные мурашки. Дикое предположение уже не намекало – орало о себе, Илья сам перед собой делал вид, что «так не бывает» и обшаривал площадку дальше. Обошел каждый ее миллиметр, заглянул под все ящики и ведра, переворошил мусор. И не восторг, не облегчение почувствовал, а ужас, липкий и глухой, на грани паники, когда за трубой увидел гильзу. Она лежала в самом дальнем углу, сливалась с плинтусом, и если бы не слабый блеск металла, Илья ее не заметил бы.

Он поднял гильзу, обдул, вытер той самой тряпкой, покрутил в руках. Калибр вроде «девятка», самый обычный, это ни о чем не говорит. Если это трассер, то на кончике пули была зеленая маркировка, если нет… Если это не трассер, то в Макса стреляли дважды. Возможно, он был убит первым выстрелом, а вторым машину просто подожгли, чтобы замести следы. Но это вряд ли, экспертиза все равно выявит огнестрельное ранение, куда бы пуля

ни попала. Если стрелял профи, то целился он в голову и стрелял наверняка из бесшумки, поэтому выстрелов не было слышно. Странно, что он столько следов оставил – тряпка, гильза, ящик как брустве́р… Работал неаккуратно, или торопился, или спугнул кто?

В кармане зазвонил мобильник, да так резко, что Илья едва не выронил гильзу. Зажал ее в кулаке, вытащил телефон, глянул на экран: это звонил отец.

– Ты где? – ровным голосом спросил он, Илья соврал что-то насчет похода в магазин, и вранье снова прокатило, отец поверил.

– Я скоро буду, – сказал он, и отбился. Илья глянул на гильзу, на телефон, снова во двор и побежал по лестнице вниз. Хватило пары минут, чтобы решить – отцу он ничего не скажет, по крайней мере сегодня. Не скажет, пока сам во всем не разберется, но теперь точно известно одно: Макса убили.

Глава 2

И всю неделю после жил, как в бреду, чувствовал, как сознание раздваивается, и поделать с этим ничего не мог. Он помогал отцу и Ольге, куда-то ездил, договаривался, платил, а в голове крутилось одно: что делать? Что теперь делать с этой гильзой, тряпкой и ящиком, будь они неладны? Сказать отцу – не сказать? Он же полковник в отставке, он «за речкой» служил, у него друзья-сослуживцы еще при должностях, они подскажут, помогут… Или нет, лучше не надо? Вдруг он ошибся, напутал, сделал что-то не то, вдруг это повредит Максу даже сейчас? Или сказать?

От этих мыслей, короткого сна, в окружении с трудом, но справлявшихся со своим горем близких Илья к похоронам выглядел не краше зомби, впрочем, остальные были не лучше, поэтому на него внимания не обращали. Черная круговерть захватила их всех, заволокла разум туманом, притупила чувства и память заодно. Илья смутно помнил похороны, закрытый гроб, похудевшую, на себя не похожую вдову Макса, его коллег, тестя с тещей, друзей отца. Илья точно в этом всем и не участвовал, а стоял поодаль и видел все со стороны, в том числе и себя самого. Ощущение было поганым донельзя, и заглушить его не находилось никакой возможности. Люди казались ему на одно лицо, да и говорили они одно и то же, соболезнования и прочие, ненужные, но обязательные в таких случаях слова. Запомнился лишь один, высокий, поджарый, как охотничий пес, молодой человек, он представился как Константин Андреев и помимо набора общих для всех горьких слов сказал:

– Надо же, какое совпадение. Сначала Стешин, теперь вот Макс… Один за другим, а прошло-то всего два месяца.

И заметив, что Илья ничего не понял, пояснил, но как-то поспешно, сбиваясь при этом и проглатывая слова, точно пожалел о сказанном:

– Олег Стешин, Макс был его заместителем. Два месяца назад Стешин исчез…

– Как – исчез? – перебил молодого человека Илья. – Что значит – исчез?

Но обстановка к разговору не располагала, да и собеседник, поняв, что сболтнул лишнего, поспешил отойти, правда, сказал напоследок:

– Вот так, уехал с работы домой и пропал. Вместе с машиной. А потом нашли его в промзоне, в заброшенном ангаре, Олег три дня мертвый в своей машине за рулем просидел. Вроде как инфаркт у него приключился или инсульт – я уж точно не помню…

Андреев давно исчез из виду, подошел кто-то еще, что-то говорил, Илья отвечал, а сам думал только об одном – это не совпадение. Это неправильно, так не бывает и не должно быть, когда один сгорает в своей машине, а другой умирает от инфаркта, предварительно заехав в заброшенный ангар промзоны. И уж, надо думать, следствие вели со всем усердием, не рядовой сотрудник так странно умер, да и родня наверняка сложа руки не сидела…

Но то ли усталость брала свое, то ли горе, но соображать голова отказывалась начисто, и мысль эта невольно отодвинулась на край сознания, оставшись там до поры до времени. Еда в горло не лезла, выпивка тоже. Илья кое-как проглотил рюмку водки на поминках и больше к спиртному не прикасался, просто сидел рядом с отцом и ждал, когда все закончится. Закончилось, слава богу, все разъехались, Илья довез отца до дома, поставил машину во двор. Вспомнил, как недавно, всего-то неделю назад, на этом месте стояла «бэха» Макса, и внутри ничего не дрогнуло. То ли перегорел, то ли свыкся с неизбежным, то ли было сейчас нечто поважнее: та самая гильза. Она так и лежала в кармане куртки, Илья сжал ее в кулаке и направился в дом следом за отцом.

Тот ждал его в кухне, смотрел в окно и не обернулся, когда Илья остановился на пороге. Постоял так, потом сел на стул, смотрел на отца, на свое отражение в окне. Часы в комнате прозвенели одиннадцать раз, отец неожиданно вздрогнул, чего за ним отродясь не водилось,

и повернулся к Илье. От пожилого, но еще сильного человека осталась оболочка, ссохшаяся и беспомощная, на нее было жалко и страшно смотреть. Руки у отца дрожали, лоб был покрыт испариной, волосы точно поредели, в глаза пасынку он старался не смотреть. Он откинулся к стене и сказал, прикрыв глаза:

– Что же делать? Что нам теперь делать? Как же так…

Он повторял это уже неделю, каждый день по десять или больше раз, и сказать Илье было нечего. Он промолчал, прикидывая, не вызвать ли отцу «неотложку», но решил пока повременить.

– Как все это было? Как? – Отец в упор смотрел на Илью, тот увидел в его глазах слезы и отвел взгляд.

– Бензобак взорвался, – повторил он, – а Макс выйти не успел. Несчастный случай.

Именно так и написали в заключении об отказе уголовного дела полицаи, и теперь Илья точно знал, что тот трассер был единственным. Экспертиза не нашла на теле брата огнестрельных ранений, значит, убийца разделался с Максом одним выстрелом, обрек на чудовищную, нечеловеческую смерть. Гильза неприятно холодила ладонь, Илья разжал пальцы, вытащил руку из кармана.

Отец пристально смотрел на него, не отводил глаз, Илья глядел в стенку. И проморгал момент, когда отец рывком поднялся с места и схватил пасынка за грудки.

– Врешь, – прошептал он, – врешь, зараза. Вижу, что врешь, паршивец. Как? Как он умер? Как умер мой сын?

Илья не пытался вырваться, смотрел в сторону, ждал, когда у отца закончатся силы. Тот встряхнул его еще пару раз и отпустил, повалился на стул, откинулся к стене и расстегнул верхние пуговицы на рубашке.

– Нормально все, – сказал он, видя, что Илья насторожился, – сейчас пройдет. А ты врать так и не научился, как и папаша твой, земля ему пухом. Вот ведь как вышло – ты один, и я теперь один, что делать будем?

Губы его странно скривились, посинели, но через несколько минут все вернулось в норму. Илья стоял у открытого настежь окна и уже намеревался звонить в «Скорую», когда отец отдышался и сказал своим обычным тоном:

– Не хочешь – не говори, потом расскажешь, я подожду. Делать что будешь, спрашиваю? Здесь останешься или в Москву поедешь?

– Не знаю, – честно признался Илья. Он сам не знал, как быть дальше, проклятая гильза не давала покоя, а также окончательно принятое решение никому не говорить о ней. Есть оружие, из которого стреляли, есть человек, нажавший на спуск, есть заказчик, заплативший специалисту, – у цепочки всего три звена, хотя нет, имеется еще одно. Причина, повод, мотив – вот с чего надо начинать. Макс то ли помешал кому-то, то ли перешел дорогу, то ли оказался в ненужном месте в ненужное время. А начинать надо с банка – эта мысль окончательно оформилась пару часов назад, когда Илья еще и еще раз прокручивал в памяти все события того дня. И нашлось кое-что, мелкое и мимолетное, похожее на ту самую соломинку, и настолько незначительное, что и внимания-то не стоит на первый взгляд. Но это лишь на первый, надо только получше приглядеться.

– В Москву вали, – приказал отец и принялся стаскивать с себя пиджак. – Нечего тебе тут делать. Работа у тебя есть, так что иди и вкалывай, я позвоню тебе. Все, топай, топай.

Он махнул на Илью, как на муху, тот покорно поднялся со стула, попрощался и уже вышел в коридор, когда отец крикнул вслед:

– Машину бери, мне она пока без надобности.

Он кинул на стол ключи от «Ровера» и добавил:

– Доверенность у тебя есть, а сейчас иди уже, ночь на дворе. Устал я, без тебя обойдусь. Все, доброй ночи.

И отвернулся.

Илья выехал со двора, благополучно добрался до шоссе и ехал в правом ряду, строго соблюдая скоростной режим. Хотел позвонить отцу, но передумал – тот наверняка пошлет его куда подальше, и будет прав. Старику сейчас нужно одиночество и время, чтобы прийти в себя и набраться сил. Он переживет эту потерю, как пережил уже многое в своей жизни, и никогда не будет прежним, как и все они, кто стоял сегодня у могилы Макса. И на уровне подсознания, интуиции Илья понимал, что отчим ему не поверил, проглотил его вранье во спасение, а сейчас хочет, чтобы пасынок разобрался во всем. Сам разобрался, полностью и окончательно, и тогда не будет нужды лгать и изворачиваться, тогда придет время правды.

Илья еще раз прокрутил мысленно картинку и убедился, что прав: нестыковка, точнее, странность, буквально кидалась в глаза, выпячивалась так, что не заметить ее мог лишь слепой. Первое – почему Макса убили во дворе дома его друга? Место, скажем так, странное, вряд ли Макс часто посещал его, а скорее всего, вообще оказался там впервые. Если принять версию, что брата «исполнил» профессионал, то эти люди ведут себя по-другому: выслеживают жертву неделями, выявляя ее привычки, маршруты и пристрастия, и ждут там, где появление «объекта» гарантировано. А тут сплошная импровизация, игра в рулетку, и надо же – угадал, отработал с первого выстрела. Но есть один момент, что идеально опровергал эту рулетку, – убийца знал, куда поедет Макс, и ждал его в «адресе». Причем место было новым, незнакомым, отсюда помарки в виде тряпки с остатками ружейной смазки и та самая гильза. Похоже, убийца нарочно не озаботился ее поисками, зная, что искать его не будут, но это уже неважно. Важно другое – кто знал о планах Макса на тот вечер, кто дал киллеру наводку. И одного такого человека Илья знал, и хоть предположение выглядело диким до невозможности, но другого не было и подлежало проверке.

Повод для визита в банк даже придумывать не пришлось – Илья пока еще числился сотрудником и запросто преодолел охрану на входе. И дальше быстро пошел по коридорам, ловя взгляды любопытных сотрудников. Его узнали, это несомненно, глядели вслед с интересом и жалостью, хорошо, хоть с расспросами никто не лез, заранее зная, куда и зачем будет послан. До знакомой двери Илья добрался быстро, глянул на табличку. «Пономарева В. И.» – чернела надпись на золотом фоне и ниже старая, та самая, которую он уже видел, – «заместитель председателя правления». Отлично, на место Макса уже посадили какую-то Пономареву, быстро они… Под ложечкой неприятно кольнуло, Илья поморщился и повернул дверную ручку. Эта Пономарева ему без надобности, ему нужна секретарь, та самая очаровательная дурочка, что сидела тогда в приемной и сообщила Максу, кто и где его ждет. Нет, Илья вовсе не считал секретаршу наводчицей, однако девчонку могли просто использовать втемную, и об этом с ней следовало потолковать. Не здесь, понятное дело, в другом месте, куда ее предстояло выманить.

Илья вошел в приемную и никого там не обнаружил, за стойкой было пусто. Сиротливо стоял телефон, рядом выключенный монитор, довольно пыльный, по столу разбросаны квадратные белые листки и сломанный карандаш. Ящик стола был выдвинут, в нем валялись степлер и дырокол, стул на колесиках пропал.

Илья стоял, соображая, как быть дальше. Первоначальный план провалился, девчонки здесь нет, надо найти ее, и найти сегодня же, но как… «Артемьева спросить?» – мелькнула было мысль, и тут зазвонил телефон. Замигала красная лампочка на корпусе, на экране появились цифры, звук становился громче, и тут трель оборвалась.

– Да? – услышал Илья. – Слушаю, говорите!

Из-за неплотно прикрытой двери кабинета доносился женский голос, и звучал хоть резковато, но не раздраженно, а скорее нетерпеливо. Илья приоткрыл дверь, заглянул внутрь. Здесь мало что изменилось за неделю, рыбки никуда не делись, шевелили хвостами и перемещались среди водорослей, «плазма» и стол стояли на своих местах. Исчез диван, у стены

стояла огромная ваза с цветами, рядом помещалось что-то вроде этажерки, на ее полках тоже стояли цветы. Кондиционер мягко гудел, работая на обогрев, в кабинете было тепло и пахло духами, свежими и терпкими, но Илье запах не понравился. Он был чужой и неуместный, от него становилось тоскливо, а в голову лезли вовсе уж ненужные мысли о прошлом. Разом накатила злость, Илья вошел в кабинет и увидел у стола девушку лет тридцати или около того. Высокая, в облегающем сером костюме и черной блузке под ним, на «шпильках» потрясающей высоты, подтянутая, движения резкие, быстрые. Трубку она буквально швырнула на аппарат, повернулась к Илье и сложила руки на груди.

– Что вам? – вместо приветствия спросила она. Илья помалкивал, разглядывая ее. Лицо круглое, скулы высокие, глаза серые, тонкие губы сжаты, прическа состоит из темных мелких кудряшек, и это ей очень идет. Брови черные, кожа светлая, но выражение лица – сущая мегера, того гляди, накинется с кулаками.

– Что вам надо? – резко повторила она, Илья шагнул ей навстречу и сказал:

– В приемной работала секретарь, девушка лет двадцати с белыми волосами. Вы не знаете, где она?

«Мегера» осмотрела Илью с ног до головы, еле заметно дернула губами и сказала:

– А вам какое дело? Вы кто вообще, как вошли?

И отступила к столу, потянулась к телефонной трубке.

– Я брат Серегина Максима, Илья.

Меньше всего ему сейчас хотелось раскрывать себя, но девица вела себя как-то уж очень агрессивно, и того гляди, вызовет охрану, а это сейчас ни к чему.

– Что-то вы не похожи… – с сомнением протянула она, глядя на Илью. Тот молчал, гася подступавшую злость, девица отвела взгляд, засунула руки в карманы пиджака и уже мягче сказала:

– Я Пономарева Валерия Игоревна, назначена на место вашего брата. А секретарши нет, она уволилась неделю назад, и мне приходится самой брать трубку, а это очень неудобно.

Все это Пономарева выпалила одним духом, ни разу не изменившись в лице, и явно ждала, когда Илья уберется с глаз долой. Но он не торопился, осмотрелся еще раз и сказал:

– Уволилась? Странно…

– Да, по собственному желанию, – оборвала его Пономарева и коснулась сережки с ярким камнем, принялась теребить ее. – А что здесь такого?

«Ничего», – план рушился на глазах, другой зацепки, кроме секретарши, у Ильи не было, злость ворохнулась в нем, и он едва справился с собой. Уволилась, да еще и неделю назад, как раз на следующий день после гибели Макса, как удачно. Это уже не странно, это подозрительно, если не сказать больше. Уволилась, значит…

Пономарева стояла напротив и постукивала по ладони тонким мобильником. Постояла так немного и повторила:

– Секретарь уволилась по собственному желанию. Если у вас других вопросов нет, то мне больше сказать нечего.

Она прикрыла ладонью рот, сделав вид, что зевает, но в это время внимательно смотрела на Илью. Он старательно не замечал этого, в темпе соображая, как быть дальше. В голову ничего не приходило, все его ставки были на ту бледную девицу, и он продул вчистую.

– Что-нибудь еще? – довольно резко сказала Пономарева, села в кресло Макса, положила ногу на ногу. Илья отвел взгляд и сказал:

– Мне надо забрать вещи брата.

– Вон ящик, – Пономарева показала авторучкой на подоконник, где стояла коробка из-под бумаги. В ней лежали автомобильные журналы, наушники, складной ножик, флешка, толстая книжка на английском и ежедневник. Илья неторопливо перебрал эти вещи, потом повернулся к столу. Пономарева сосредоточилась над таблицами, вдумчиво изучала их и,

кажется, не замечала Илью. Но он перехватил ее косой взгляд, заметил, как та дернула плечом, и сказал:

– Извините, но мне нужна эта девушка. Вы не знаете, где ее можно найти?

Ответа не ожидал, действовал наудачу, и получил достойный ответ.

– Понятия не имею! – выкрикнула Пономарева. – Я вам не справочная, я заместитель председателя правления! Зачем она вам? Какое вам до нее дело?

– Надо поговорить, – старательно сдерживаясь, чтобы не заорать в ответ, сказал Илья, чувствуя, что еще немного, и он сорвется. Эта Пономарева – тупая яркая личность, чья-то любовница или жена – другого объяснения, почему она оказалась в этом кабинете, нет и быть не может. Ей ума не хватит картошку пожарить, а уж руководить и подавно. Макс несколько лет этой должности ждал и получил заслуженно, а тут эта кудрявая курица, сидит в его кресле, за его столом… Или ее сюда посадили за заслуги известного свойства, или… Больно странно она себя ведет: орет, срывается и постоянно врет, и врет неумело, хотя кто бы говорил…

– Я ничего не знаю! – уже откровенно визжала Пономарева, она раскраснелась, кудряшки растрепались, прилипли ко лбу, от чего она стала еще привлекательнее. Злость шла ей, как прическа и макияж, и даже резкий голос не портил картинку.

– Уходите, или я вызову охрану! – Пономарева схватила трубку, принялась нажимать на кнопки. Илья быстро вышел из кабинета, прихватив с собой коробку, пошел к лифту. В голове тем временем крутилось одно: дело здесь нечисто. Эта взбалмошная красотка не просто так заняла место Макса, и ей есть что скрывать. Уж очень странная у нее реакция, агрессия так и хлещет, причем защитная агрессия, ответная, так сказать. И плевать бы на нее, но не тянет Пономарева на эту должность, хоть убейте, не тянет, тут не известным местом, а и головой хоть немного работать надо. Да и к чему любовнице богатого человека ходить на работу, спрашивается? Ни к чему, тогда в чем дело? А тут еще и секретарша так удачно «по собственному» ушла, все одно к одному…

Он так задумался, что едва не сбил с ног серьезного молодого человека в темном костюме. Ушел от столкновения в последнюю секунду, пошел дальше, но юноша снова оказался у него на пути, и на этот раз «подрезал» уже откровенно, своих намерений не скрывая. За что и поплатился – по инерции Илья двинул дальше, отдавил парню обе ноги, довольно чувствительно толкнул в грудь, и только после этого остановился.

– В чем… – Илья не договорил. На пути между собой и лифтом он увидел еще двоих, тоже спокойных и серьезных до невозможности. Молодые люди просто стояли в коридоре, пропускали сотрудников и не сводили с Ильи глаз. «По мою душу. Кто ж такие?» – Пока он разглядывал оппонентов, тот самый молодой человек с отдавленной ногой сказал недружелюбным голосом:

– Пошли, тебя Артемьев зовет.

И отошел в сторонку, пропуская Илью вперед, причем, судя по тому, как перестроились двое его коллег, идти предстояло по лестнице. Но невысоко, всего-то на два этажа вверх, и проскочили их единым махом, причем Илья хоть и тащил в руках коробку, но дыхание не сбил и даже на полшага опережал «конвоиров». И в кабинет начальника службы безопасности банка вошел бы первым, наплевав на субординацию, но рывок за рукав заставил сбавить шаг.

– Полегче, – буркнул рослый, очень коротко стриженный юноша, невежливо сдвинул Илью с дороги и первым шагнул через порог, встал у двери. Второй через пару мгновений оказался рядом, затем пропустили Илью, последним зашел юноша с отдавленной ногой и загородил собой выход. Действовали все трое слаженно, быстро, не суетились, друг другу не мешали и «держали» объект так плотно, что Илья ловил на себе взгляды всех троих одновременно. Впрочем, нервничать по этому поводу не стал, вопросов не задавал, а нахально,

без приглашения, уселся на единственный свободный стул, поставил коробку на колени и посмотрел на Артемьева.

Он помещался напротив, сидел, привалившись к стене, и крутил в пальцах незажженную сигарету. Илью Артемьев будто и не замечал, целиком сосредоточился на действиях подчиненных и непонятно – довольным остался или личный состав ждала выволочка. Потом глянул на гостя, на дверь, снова на Илью и сказал спокойно, таким тоном, точно они расстались полчаса назад:

– Здоро́во. Чего пришел? На работу?

В последних словах прозвучала усмешка, но в лице Артемьев не изменился, и оттого Илье показалось, что эсбээшник посмеивается втихомолку. Не обида – злость кольнула сердце, но Илья виду не показал и ответил Артемьеву в тон, то есть без малейшей эмоции:

– Вещи Макса забрал. Ольга просила…

– Понятно. Дай-ка сюда. – Артемьев быстро глянул вбок, и «конвоир», что стоял у двери, молниеносно выхватил у Ильи из рук коробку и поставил на стол перед шефом. Тот сунул в рот незажженную сигарету и подтянул коробку поближе, открыл, полез внутрь. У Ильи перед глазами даже свет малость померк и дыхание на миг перехватило от такой наглости. Но от первого порыва ткнуть Артемьева носом в эту самую коробку, вернее, голову эсбээшника туда поглубже засунуть и подержать с пару минут, чтобы тот понял, как себя в приличном обществе принято вести, удержался и сказал, стараясь не показывать злости:

– Что за хамство, господин начальник департамента. В каком хлеву вас мама родила? Вещи чужие, между прочим, и у них хозяин имеется.... Вам в детском саду не говорили, что чужое брать нехорошо? Или вы, пардон муа, в дикой местности выросли и о хороших манерах только по телевизору слыхали?

Сработало – Артемьев малость обозлился, глаза сощурил, мельком глянул на Илью и принялся перелистывать ежедневник Макса. Брат по старой привычке предпочитал планировать дела вручную, то есть записывал на бумаге самой простой синей шариковой ручкой и при этом таким почерком, что позавидовал бы хирург или терапевт, то есть нечитаемым. В чем Артемьев и убедился, перелистнув пару страниц, потом отложил ежедневник в сторону и сказал, закинув сигарету в угол рта:

– А ты мне не указывай. Скажи спасибо, что повесткой тебя полиция не вызвала, а пока я с тобой по-свойски беседу веду.

Илья напрягся, чувствуя, как изменился тон Артемьева. Эсбээшник смотрел на него в упор и даже в лице переменился при слове «повестка». И взгляд не отводил, ждал реакции собеседника и дождался.

– Спасибо, – сказал Илья и улыбнулся при этом, – век твою доброту не забуду. Но я вот что тебе скажу: есть что – предъявляй, как положено, через полицаев, а нет – так я пойду, у меня дел полно. Заявление на увольнение, сам понимаешь, писать я не буду, придумай что-нибудь сам, напряги фантазию и в кодексе покопайся, там есть пара вариантов. Ну, бывайте.

Илья поднялся со стула, взял ежедневник, положил его в коробку, обнял ее и шагнул к двери. Троица моментально сошлась в «стенку», преградила ему путь, Илья поглядывал на них из-за коробки, прикидывая, с кого бы начать. Сподручнее выходило с самого рослого, он торчал строго напротив и был до краев преисполнен служебным рвением, точно Артемьев им тут проверку на профпригодность закатил, не больше и не меньше. Илья совсем уже было собрался использовать классический ход: сунуть коробку в руки ближайшему оппоненту, ухватить за грудки второго и, прикрываясь от третьего, пробиться к выходу, как из-за спины раздалось:

– Сядь. Сядь, кому сказано. Разговор есть.

На этот раз Артемьев был зол до чертиков, и непонятно, на кого больше – на Серегина-младшего или подчиненных, что так бездарно и близко подпустили к себе против-

ника. Эсбээшник остервенело грыз сигарету, позабыв поджечь ее, и только что ядом не плевался, но держался как мог, изображал спокойствие. Да и ребятки у двери тоже сообразили, что чуть было не допустили роковую оплошность, разошлись, взяв Илью в «коробочку», и тому ничего не оставалось, как вернуться на стул. Артемьев бросил изжеванную сигарету в пепельницу, выбил из пачки вторую, отправил в рот и неожиданно ухмыльнулся. Илья сидел в обнимку с коробкой и ждал, что будет дальше. Артемьеву надо что-то узнать, это к гадалке не ходи, но вот тон, который он выбрал, ничего хорошего не сулит. А раз тон такой, то и козыри, скорее всего, на руках имеются. И не ошибся.

– Ты в курсе, что брат твой деньги из банка выводил? – сказал Артемьев, не сводя с Ильи взгляд. Помолчал, и добавил веско: – Большие деньги. Вором был твой братец, туда ему и дорога…

– Рот закрой. – Илья чувствовал, что губы еле двигаются, а язык точно не свой, присох к небу. Это не злость – ярость в виски ударила, еще немного, и заткнул бы Артемьева любым подручным средством, той же пепельницей, к примеру, а тот реакцию Ильи просек и дальше свое гнул, точно бессмертный или заговоренный:

– Вижу, ты не знал, да я так и думал. К тебе претензий никаких, ты мне вот что скажи…

– Рот закрой, – севшим голосом повторил Илья, и Артемьев неожиданно заткнулся. От двери раздался тихий звук шагов, и можно было не оборачиваться, чтобы понять – троица подошла ближе и контролирует каждый вздох «объекта», и в случае чего быстро его зафиксирует с применением болевых приемов. С одним-двумя Илья бы сладил, возможно, и третьего бы вниманием не обошел, но тут дело было в другом – Артемьев явно что-то знал, уж больно нагло он ухмылялся и даже нашел в столе зажигалку и теперь крутил колесико, стараясь выбить из нее хоть искру. Но ничего не вышло, посему Артемьев зажигалку бросил в ящик, развалился на стуле и сказал:

– Поганые новости, понимаю, но куда деваться. Мне руководство приказало, вот я и разбираюсь. Но ты пойми – я ж это не сам придумал, у меня документы на руках.

На стол легла тонкая синяя папка, Артемьев вытащил из нее несколько листов, положил на стол, подвинул Илье. Тот подтянул их к себе и сначала ничего не понял – сплошь таблицы, цифры, текст на английском.

– Это список транзакций за несколько дней, а это, – на столе оказались еще три листа, – разрешение на перевод денег. Это фирмы-однодневки, я проверил некоторые – все конторы реально существуют, платят налоги и даже что-то там продают или покупают, не забывая периодически снимать наличку. Схема проста и стара как мир, проверена и безотказна. Сотрудник, давший добро на перевод, получает свой процент, и все расходятся, довольные друг другом. И Макс твой не устоял. Бывает.

Артемьев с истинно людоедским сочувствием смотрел на Илью, а тот как завороженный перебирал листы и смотрел в них, ничего толком не видя. Ничего, кроме подписи Макса, его подписи – это было несомненно, – уверенной, размашистой, «министерской», как называл ее отец. И цифр, несомненно, обозначавших суммы – хорошие, с кучей нулей на хвосте, одной такой циферки простому смертному хватило бы до конца его дней. А всего цифр было несколько, небольшой, но внушительный столбик, под которым стояла знакомая фамилия.

Но, приглядевшись, Илья понял, что Артемьев, мягко говоря, не прав: подпись принадлежала Максу, но сделана была не его рукой. То ли порошок в копире в тот момент заканчивался, то ли бумага попалась не лучшего качества, но линии и буквы были тонкими и прерывистыми, точно их выводили без нажима или перерисовывали детским способом, наложив оригинал и нужный бланк на стекло. И кроме этого было кое-что еще.

– Вранье. – Илья отодвинул от себя бумаги. – Липа это, а не подпись. Это не Макс писал, а кто-то другой, советую тебе в другом месте поискать. Ошибочка вышла.

И сам едва сдержался от усмешки, видя, что попал в точку. Блефовал Артемьев, и ни черта у него не вышло, больше того, судя по его физиономии, он и сам знал, что подпись поддельная, а бумаги подсунул Илье с тем расчетом, что тот еще от горя в себя не пришел. Не знал, что у волковской породы одна особинка есть – тоска и боль инстинкты усиливают, а не глушат, и не только инстинкты, но также зрение, слух и способность соображать, что и сработало.

Артемьев собрал бумаги, пересмотрел их еще раз и сказал:

– Я сам решу, где и что мне искать. Ты мне лапшу не вешай, а то я подпись твоего брата не знаю…

Злость пропала сама собой, точно воздушный шарик в форточку улетел, стало легко и спокойно. Илья покрепче обнял свою коробку, прижал ее к животу.

– Знаешь, как же тебе не знать, тебе по должности положено. Ты на дату смотрел? – показал Илья на документы. – Если нет, то сейчас глянь. Макс, по-твоему, что: чертову кучу денег из банка вывел – на свои счета, разумеется – и в тот же день в своей машине подорвался? На радостях, так, что ли?

Артемьев перекусил сигарету, не обращая внимания на огрызок в зубах, сунулся в бумаги, глянул на дату, на Илью, снова на цифры, снова на собеседника. А тот улыбался, и ничего не мог с собой поделать, уж больно потешно выглядел главный эсбээшник, да еще и в глазах своих подчиненных. И крыть тому было нечем, дату он, может, и видел раньше, но не рассчитывал, что Илья это тоже заметит. А тот постучал пальцами по картонным бокам коробки и сказал, уже без улыбки:

– И этот Стешин, что до Макса тут рулил, тоже деньги воровал? И в ангаре от инфаркта умер, когда сумма приличная накопилась, я правильно понимаю?

Вопрос был из тех, что остаются без ответа, как вышло и в этот раз. Артемьев собеседника даже взглядом не удостоил, собрал бумаги и бросил перекушенную сигарету в пепельницу. Илья наблюдал за эсбээшником, понимая, что раунд этот продули оба: Артемьев явно знал больше, чем говорил, и теперь уж ни за что не поделится, на что можно было бы рассчитывать в случае, если бы Илья проглотил ложь с подделкой подписи. С другой стороны, ничего нового эсбээшнику выведать у Ильи не удалось, угрозы сдулись, перспектива вызова повесткой испарилась.

– Не твое дело. – Артемьев покопался в папке и подал Илье еще одну распечатку. «Выписка по счету» – гласил заголовок из мелких букв, дальше шли строки: номер, дата и сумма, и довольно крупная. И внизу, под таблицей, фамилия и инициалы: Серегин М. В. Илья ничего толком не понял, покрутил листок и положил его перед собой. Артемьев точно этого и ждал, сунул себе в зубы следующую сигарету и малость невнятно проговорил:

– Это выписка со счета твоего брата. Счет открыт пять лет назад в другом банке. Движения не было несколько лет, и вдруг деньги поступили, и – как сам видишь – за два дня до его смерти. Деньги хорошие, я его понимаю, кто ж откажется. Это его процент за подпись, за разрешение левой транзакции и снятие наличных, что-то вроде аванса, так обычно и делается. Что скажешь?

Сказать Илье было нечего, он бессмысленно смотрел в распечатку, на цифры, а те уже буквально двоились в глазах. «Не может быть», – отчаянно крутилось в голове, но это было. Это счет Макса, это деньги, и – прав Артемьев – неплохие. И зачислены незадолго до того злосчастного дня – ну все одно к одному.

Артемьев грыз сигарету, как леденец, с хрустом и наслаждением, смотрел на Илью с превосходством и чуть насмешливо, потом выдал:

– Нечего сказать, бывает. Тогда я скажу – вор твой братец, земля ему пухом. Вор. – Он повысил голос, видя, как Илья подался вперед, но не пошевелился, постукивал пальцами по столу и уже открыто насмехался.

– Вранье, – кое-как проговорил Илья, – и ты это знаешь.

Артемьев изумленно поднял брови, скривил рот и сказал:

– Докажи. Докажи, что брат не вор, или будешь деньги отдавать. Или сядешь за долги, вернее, вдова Макса, когда все продаст.

Тут вся злость куда-то подевалась, чувства разом притупились, точно перед потерей сознания, Илья никак не мог поверить, что это происходит в реальности, и происходит именно с ним. Артемьев врет, как дышит, это понятно, и всерьез намерен свалить все на Макса в полном смысле, как на мертвого. Брату уже все равно, а вот живым еще не все безразлично, в том числе и память о близком человеке. Вор, значит.... Ну, хорошо.

– Это ты докажи, что Макс деньги брал, – кое-как выдал Илья.

– А машину он на что купил? – парировал Артемьев. К разговору он отлично подготовился, и козыри летели у него изо всех рукавов, и влегкую крыли «шестерки» оппонента.

– Не твое дело, – отозвался Илья, понимая, что выглядит полным идиотом, – не твое собачье дело.

– Ошибаешься, – прикурил наконец сигарету Артемьев, – теперь мое.

Вот и все, собственно, у каждой стороны своя правда, разговор зашел в тупик, у эсбээшника на руках все аргументы, а у Ильи, кроме слов и эмоций, – ничего. Чувство такое, что вышел на танк с голыми руками и как-то надо эту махину остановить, но нечем, если только самому под гусеницы кидаться. И тут, повинуясь разом охватившему его порыву злости, отчаяния и бессилия, Илья сказал вполголоса, так тихо, что вряд ли кто-то у двери его бы расслышал, но никого, кроме Артемьева. эти слова не касались:

– А ты знаешь, что Макса убили? Что машина тут ни при чем…

Эсбээшник не шелохнулся, не моргнул и даже в лице не изменился, так и сидел с каменной физиономией, грыз порядком измочаленный уже фильтр и на собеседника не смотрел, глядел куда-то вбок. И тут Илья всей шкурой, каждым нервом ощутил, понял, что Артемьев знает, что это для него не новость, вернее, новость, что брат убитого оказался в курсе. И теперь – по логике – должен задать пару-тройку наводящих вопросов, старательно «держа» при этом лицо, чтобы себя не выдать.

– И кто же его убил, по-твоему?

Голос эсбээшника прозвучал чуть глуховато и, как могло сначала показаться, равнодушно, однако не равнодушие это было, а хорошо скрытое напряжение. Рожа у Артемьева при этом не дрогнула, он спокойно смотрел на Илью, при этом прикусив огрызок сигареты так, что скрипнули зубы.

– Почем я знаю, – отозвался Илья. Заглянул в коробку, поправил примятые страницы ежедневника, закрыл, посмотрел за окно, в потолок, потом сказал как мог спокойно, копируя напряженно-равнодушный тон Артемьева:

– Откуда ж мне знать. Может, ты и убил, раз тебе руководство разобраться приказало. Ты и разобрался как мог. Я, пожалуй, отсюда в полицию пойду, заявление напишу, как положено, а ты жди, когда тебя повесткой вызовут…

И, не дав Артемьеву и рта открыть, добавил, уже едва сдерживая злость:

– Доказательства есть, не сомневайся. Хорошие доказательства, убойные. Думай, как выкручиваться будешь.

Артемьев думать то ли поленился, то ли не захотел и почему-то шепотом, отчетливым и внятным, послал Илью на три буквы. Потом стало очень тихо, так, что залетевшая в кабинет муха, казалось, грохотала по стеклу конечностями и оглушительно жужжала. Илья, оставив любезность эсбээшника без ответа, поднялся со стула и направился к двери. Охранники разошлись перед ним, сделав вид, что в упор не видят ни его, ни коробки, рослый даже глазки в пол опустил. Артемьев голоса не подавал, за спиной было тихо, но в отражении на стеклянной дверце шкафа Илья видел, как эсбээшник следит за гостем, смотрит тому в спину.

В это мгновение Илья пожалел, что проболтался, но тут же решил, что плевать, пусть Артемьев побесится. Он и так знает больше, чем говорит и своими соображениями относительно взорвавшейся машины Макса делиться не собирался. А теперь и вовсе озвереет, получив совсем не ту информацию, на которую рассчитывал, а многие знания, как известно, умножают печаль. Понятное дело, что эсбээшник будет рыть землю дальше, у него два дела, одно другого краше, над ним руководство банка с дубиной стоит, результат требует и деньги свои хочет вернуть, а тому и сказать-то нечего, кроме того, что Стешину тоже кто-то помог, может, и тот, кто Макса на тот свет отправил. И еще кое-что не давало Илье покоя: подпись Макса на платежках, или как там эти бумаги правильно назывались. Кто-то же это сделал, и Артемьев здесь точно не при делах. Но кто тогда? И искать бесполезно, да и незачем время терять, когда можно зайти с другой стороны.

«Семья, родители – никто ничего не знает», – пришли на память слова невольно проболтавшегося коллеги Макса. Семья, родители – вот с кого надо начинать, близкие всегда в курсе всех дел. Со Стешиным пусть Артемьев разбирается, хотя за два месяца особо ничего и не накопал, судя по всему, а вот с Ольгой надо поговорить, пока этот олень со своими подручными до нее не добрался. Благо и повод для встречи имеется – коробка-то с вещами Макса вот она, в руках.

Ольга уже почти пришла в себя, от нее еще неприятно пахло лекарствами, но говорила она без надрыва и так спокойно и отстраненно, что становилось не по себе. Макса мертвым она не видела, и психика женщины точно закрылась от мира этакими подушками безопасности, подбросив версию, что в закрытом гробу лежал не ее муж, а кто-то другой. Или там вообще никого не было, а Макс уехал в командировку и скоро вернется, а не звонит потому, что телефон дома забыл, или там, где он сейчас оказался, проблемы с сотовой связью, и с проводной заодно. Отказать эти «подушки безопасности» могли в любой момент, но Ольга пока держалась, хоть и выглядела жутковато – бледная, некрашеная, похудевшая до того состояния, когда вид отощавшего человека вызывает мысли о тяжком недуге последнего.

Разговор получился коротким – Ольга, как и предполагалось, ничего не знала. Нет, Максу никто не угрожал, все шло своим чередом: дом, работа, дом, отпуск по графику, выезд к родителям, магазины и прочая рутина. Ничего странного, угрожающего или непонятного, все как всегда.

И как ни гнал Илья от себя эту мысль, но стоя в пробке по дороге домой, признался, что придется-таки возвращаться в банк и начинать оттуда, и «объект» будто сам собой нарисовался. Истеричка Пономарева – его последний шанс. Она неспроста оказалась на месте Макса и вела себя странно, если не сказать – подозрительно, то ли злится на весь мир, то ли боится чего-то. Надо бы с ней поближе познакомиться, пообщаться, а сначала со стороны посмотреть, чтобы знать, с кем придется иметь дело. Новый план сложился сам собой, способ разобраться во всех этих нестыковках был только один, старый, добрый и верный: слежка. Ничего лучшего Илья придумать не смог и решил приступить незамедлительно, а именно с сегодняшнего вечера. И точно за десять минут до конца рабочего дня припарковался с торца банка на тихой прилегающей улочке, откуда просматривался вход в банк.

Сотрудники начали покидать офис ровно в восемнадцать ноль один, Пономарева показалась через пять минут. Уселась в красную двухместную «Мазду», ловко вырулила на проезжую часть, удачно разминувшись с трамваем, и покатила к перекрестку. Илья ехал следом, не особо шифруясь, следя за потоком машин и ярким пятном в нем одновременно. Пономарева вела машину аккуратно, держалась правой стороны, не лихачила и вообще вела себя паинькой. Как и серая «Ауди», что держалась немного в стороне. И пока Пономарева крутилась по центру, объезжая пробки, пока добралась до Третьего кольца и перестроилась в правый ряд, включив поворотник, не отставала, но и не приближалась. И когда «Мазда» покатила к сияющему в дождливой полутьме огнями торговому центру, Илья уже точно знал

– за Пономаревой следит не только он. «Ауди» лихо прокатила мимо парковки и скрылась из виду, а девушка отправилась не на шопинг, как предполагал Илья, а достала с заднего сиденья большую спортивную сумку и удалилась в дверь под вывеской «фитнес-центр».

Илья постоял немного напротив входа, отъехал в сторонку, вышел из машины и решил, несмотря на дождь, немного прогуляться – что-то ему подсказывало: далеко идти не придется. Так и оказалось: «Ауди» угнездилась у самой дороги, напротив перехода под эстакадой, откуда отлично просматривался вход в фитнес-центр. «Кто ж такие? Артемьевские или кто-то со стороны?» Илья рассматривал «Ауди», а в машине было темно и на первый взгляд пусто. Однако через пару минут опустилось стекло на передней дверце, из окна вылетела багровая искра – догоравший окурок – и упала в лужу. Илья вернулся в машину, немного отъехал в сторону и поставил ее так, чтобы видеть и выход из фитнес-центра, и «Ауди», едва различимую в дождливом полумраке.

Ждать пришлось больше двух часов, и, держась в сотне метрах за «Ауди», «провожать» девушку до дома, новой многоэтажки, удачно вписавшейся на пятачок между старых домов. Пономарева зашла в единственный центральный подъезд и пропала, притормозившая в соседнем дворе «Ауди» лихо укатила, Илья глянул машине вслед, потом на окна многоэтажки. Будем считать, что день прожит не зря – он знает, где проживает Виктория Игоревна, и это ничего ему не дает, ровным счетом ничего. Ах, да, она еще занимается фитнесом, что отлично видно по ее фигуре. И эта фигура интересует кого-то еще.

Через три дня у него было готово расписание, а также излюбленные маршруты передвижения девушки. С девяти до шести она добросовестно присутствовала на рабочем месте, потом отправлялась в спортзал или к косметологу, пополняла запас продуктов в супермаркете, а после в сопровождении «конвоя» из «Ровера» и серой «Ауди» неизменно направлялась домой. Вела себя обычно, если провожатых и заметила, то виду не подала, а Илью во время всех этих перемещений занимал только один вопрос – эти, в «Ауди», его наверняка давно срисовали, но вот подойти и познакомиться не торопятся. То ли стеснительные такие от рождения, то ли им его присутствие безразлично. На контакт не идут, ждут чего-то, Илья тоже решил пока события не форсировать, а подождать, хоть и чувствовал, что долго не выдержит. Обнадеживало одно – с Пономаревой он попал в точку, ей явно есть что скрывать, причем не только от Серегина-младшего, но и от тех, кто ей эту «Ауди» на хвост повесил.

Потом были суббота и воскресенье, большую часть выходных Пономарева провела в спа-центре, потом наступил понедельник, рабочий день прошел, настал вечер. По плану сегодня был косметолог, и точно – «Мазду» Пономарева припарковала неподалеку от салона красоты, куда и направилась. «Ауди» была тут как тут, стояла неподалеку и чертовски нервировала одним своим присутствием. Илья решил, что ждет он еще ровно сутки, а потом этих орлов – их было двое, как успел выяснить, разглядывая силуэты за темными стеклами машины, – как-то спровоцирует, и в процессе общения многое станет на свои места. Хотя чего ждать, Пономаревой не будет часа два, а то и больше, времени вагон, можно прямо сейчас начинать. Лобовой таран будет лишним, а вот «мужики, закурить не найдется?» вполне подойдет. А если в «Ауди» окажутся ведущие здоровый образ жизни интеллектуалы, то можно обсудить цены на нефть или преимущества сицилианской защиты перед староиндийской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.